

Серебряник М. В. Сарпунов и его двор в Пскове

11. Палаты М. В. Сарпунова (Дом Предводителя дворянства)

От древних сооружений сарпуновского подворья уцелели лишь остатки палат серебряника, которые до сего времени известны псковичам как «Дом предводителя дворянства»²⁰⁹. Уже к середине XIX века они полностью утратили свой исторический облик и на фоне расположенных по-соседству и хорошо сохранившихся знаменитых палат Меншиковых и Поганкиных, имели весьма нелепый эклектичный вид заурядного строения в духе русского провинциального классицизма. Подобных зданий в городе было в то время предостаточно. Они не вызывали особого интереса у местных краеведов, предпочитавших описывать более заметные и привлекательные «древности Пскова».

Одним из первых знатоков русской старины, обративших внимание на древние архитектурные формы, скрытые за толщей стен дома Предводителя дворянства был известный питерский архитектор К. К. Романов. Среди собранных им в 1919 г. «Материалов о состоянии памятников Пскова и Псковской области», хранящихся ныне в архиве ИИМК (РАН), находятся фотографии дома «бывшего предводителя дворянства» и другие о нем сведения²¹⁰.

Позднее зданием заинтересовался маститый псковский архивист С. А. Цвылев, который в послевоенное время и в 1950-е гг. проводил изыскания в Государственном архиве Псковской области (ГАПО). В его фондах он обнаружил чертежи дома, принадлежавшего Приказу общественного призрения, выполненные в 1823 г. губернским архитектором Ф. Ф. Ябсом и, установил, что на них изображено здание называемое псковичами

«домом предводителя дворянства». (Рис. 11).

В «научный оборот» и в состав древнепсковского культурного наследия ввел «Дом предводителя...» исследователь архитектуры средневекового Пскова Ю. П. Спегальский. В монографии, посвященной псковским каменным жилым зданиям XVII века²¹¹, он впервые опубликовал основные сведения об этом архитектурном раритете и, назвав его «Палатами на Романовой горе», встроил в систему своих рассуждений о псковском гражданском зодчестве²¹². Ю. П. Спегальский отметил невозполнимые утраты древних архитектурных форм, причиненные перестройкой XIX века, которая по его словам: «совершенно изменила некоторые помещения нижнего этажа и весь верхний этаж ... (где – Б. П.) была сломана даже часть внутренних стен»²¹³. При этом он обмерил план первого этажа (рис. 15), сопоставил его с чертежом Ф. Ябса и кратко изложил свои соображения о некоторых особенностях первоначального вида здания.

Исследование Ю. П. Спегальского явилось основанием для принятия в 1960 г. «Дома предводителя дворянства» под государственную охрану, как памятника гражданской архитектуры XVII века²¹⁴. Соответствующий паспорт на памятник подготовлен в 1973 г. автором этих строк.

С обретением статуса памятника культуры здание было изъято из ведения судебного учреждения, передано на баланс Областного управления культуры и некоторое время использовалось для проживания студентов культурно-просветительного училища. Затем в нем разместили администрацию областной филармонии, по заказу которой в 1979 г. псковская реставрационная мастерская выполнила его «архитектурный обмер»²¹⁵. (Рис. 16).

В 2006 г. техническое состояние дома в очередной раз было признано аварийным. Стал вопрос о его капитальном ремонте и, насколько возможно, восстановлении перво-

Постников Борис Андреевич — искусствовед, член Союза архитекторов России.

Окончание. Начало в № 33/2010 и № 34/2011.

начального облика. По расчетам проектной организации на это требовалось свыше 50 миллионов рублей, и, так как Областная филармония не могла претендовать на подобную щедрость местного бюджета, арендный договор с нею был расторгнут. Памятник архитектуры поступил в распоряжение Территориального управления министерства имущественных отношений по Псковской области, которое в свою очередь сдало его в аренду заводу «Псковэлектросвар». Несколько лет пустующее в центре города здание, находящееся «под охраной государства», продолжало разрушаться и растаскиваться местными жителями на строительные материалы. Были выломаны все деревянные перекрытия, полы, часть внутренних стен и оконные заполнения второго этажа. 14 мая 2009 г. в результате поджога стропил сгорела крыша дома. В состоянии обгорелой руины он и пребывает до сих пор.

«Дом Предводителя дворянства» представляет собой каменное двухэтажное строение, вытянутое по оси «восток-запад», длиной 32 и шириной 16 метров с мезонином над центральной частью. До пожара имел шиферную четырехскатную крышу, устроенную по деревянным стропилам. Вход, расположенный со стороны южного (бывшего дворового) фасада, стилизован в виде фрагмента старинного крыльца и оформлен выступающими из стены двумя полустолбами, соединенными арочной перемычкой. (Рис. 14).

Первый этаж, возведенный из известняковой плиты, состоит из семи основных помещений разделенных капитальными стенами. Три северных имеют вид погребов, перекрытых массивными цилиндрическими сводами с распалубками над дверными проемами. Пол засыпан землей и мусором, но и в этом состоянии его отметка находится значительно ниже (более чем на два метра) современной «дневной поверхности». В двухметровой толще поперечных стен размещены внутристенные лестницы, которые вели когда-то в палаты второго этажа. Древние дверные и оконные проемы, сохраняют металлические «подставы» для навески кованых дверей и ставней, и внутристенные каналы для установки «запорных брусьев». Отдельные оконные проемы заложены наглухо,

вместо них растесаны новые. Четыре южных помещения имеют более тонкие наружные стены и плоские деревянные перекрытия. Отметка пола здесь на два метра выше, чем у погребов и совпадает с современной поверхностью земли вокруг здания. Некоторые из этих помещений разделены деревянными перегородками, а в одном из них – слева от главного входа – устроен «современный» лестничный всход на второй этаж. Оконные проемы в наружных стенах заложены или видоизменены.

Второй этаж еще недавно также состоял из семи основных помещений, разделенных перегородками на более мелкие, и имел деревянные полы и потолки. (Рис. 16). Его наружные стены толщиной 108-110 см. (вдвое тоньше стен первого уровня), оснащены большим количеством оконных проемов, которые своими размерами, конструкцией и пропорциями соответствуют архитектурным деталям первой половины XIX века. От старой планировки этажа сохранились лишь направления стен в западной его части. Конфигурация остальных помещений полностью игнорировала план нижнего яруса. В центре здесь находится коридор, устроенный вдоль продольной оси здания, по сторонам которого размещались комнаты, а в конце – туалеты, пристроенные к восточному фасаду во второй половине XX в.

Мезонин, возвышающийся над центральной частью дома, имеет каменные стены лишь со стороны северного и южного фасадов. Каждая из этих торцевых стен снабжена большим окном в виде полуциркулярной арки с декоративным рустованным обрамлением в стиле русского классицизма, и завершена двускатным фронтоном. Боковые продольные стены мезонина были деревянными, конструктивно связанными со стропильной системой общей четырехскатной крыши здания. Они уничтожены пожаром 2009 г.

Воссоздание первоначального вида

Все части дома Предводителя дворянства заполнены следами многочисленных разновременных перестроек. Детально разобраться в них – задача тщательного и полномасштабного архитектурно-археологическо-

го исследования, которое до сего времени не проводилось. Поэтому вопрос о первоначальном виде палат М. В. Сарпунова остается открытым. Тем не менее, выполненные историко-архивные и предварительные натурные изыскания позволяют обозначить основные строительные периоды в более чем трехсотлетней истории здания и, с максимально возможной на этом уровне изучения памятника степенью достоверности, представить его изначальную архитектурную композицию.

Отмечу, что для этой цели придется использовать весьма ограниченный набор базисных данных, важнейшие из которых – уцелевшие остатки первого этажа, чертежи 1823 г. Франца Ябса, обмеры 1979 г. и приведенные выше исторические изыскания. При этом буду опираться на исследования Ю. П. Спегальского, труды А. А. Тица и других авторов, а также на собственный опыт изучения псковских жилых домов XVII в.

Первый этаж (подклет)

Выше, при описании двора Сарпуновых, высказано предположение о том, что каменные жилые палаты возводились Михаилом Венедиктовым на месте старых деревянных хором, рубленных еще при Венедикте Ларионове или Семене Назимове, сгоревших в общегородском пожаре 1682 г. В пользу такого предположения свидетельствуют результаты археологического шурфа у северо-западного угла палат, выполненного в 1990 г. В. И. Кильдюшевским по моему заданию. В нем выявлен лишь один слой пожара, датированный многочисленными находками 1710-м годом²¹⁶. Следы более раннего пожара если и имелись на этом участке, то были уничтожены котлованом при строительстве глубоких палатных погребов, которые возводились явно после пожара 1682 г. Если этот факт получит подтверждение при дальнейших раскопках, то можно будет утверждать, что первый этап существования каменных палат серебряника датируется хронологическими рамками 1682 - 1710 гг.

Сохранившиеся до наших дней погреб палат М. В. Сарпунова, перекрытые массивными сводами, не вызывают сомнений в их первоначальной подлинности, особенно

те их части, которые обозначены на плане Ю. П. Спегальского кривой штриховкой. (Рис. 15). Но при более внимательном изучении стен этих древних сооружений выясняется следующее.

Центральный погреб, представляющий собой так называемое «подсенье», при расположенных по его сторонам «подклетах», имел отметку пола (как уже отмечалось) на два с лишним метра ниже дворовой дневной поверхности. Спуск на эту отметку не показан Ю. П. Спегальским, но, судя по плану Ф. Ф. Ябса, осуществлялся со стороны дворового фасада по специальному «вылазу», характерному для псковских палатных строений XVII в. (Рис. 11). Кроме того, на южной стене этого подвала, слева от замурованного главного в него входа, прослеживается второй проем, заложенный на всю его высоту от пола до обреза свода мелкой плитой и кирпичом. (Рис. 17). По ширине и высоте он полностью соответствует сохранившимся оконным проемам в левом (от сеней) погребе (рис. 22), и, явно служил для освещения подвала, подобно оконному проему, расположенному рядом со входом в подклет, во втором доме Меншикова и первом доме Подзноева. На противоположной (северной) стене подвала следов какого-либо старого окна не существует. Уцелел лишь фрагмент четверти некоей ниши, назначение которой поясним ниже.

Стены восточного погреба, размещенного справа от сеней, показаны Ю. П. Спегальским по большей части контурными линиями. Отсутствие штриховки свидетельствует об их неизученности автором. Однако не подлежит сомнению, что восточная стена подклета, на которую опирается крыло массивного свода с низкой «пятой», не имеющего здесь распалубок была «глухой», то есть без каких-либо проемов. Существующие оконные проемы в северной стене, обращенной к Сокольей улице, не соответствуют архитектурным формам XVII в. и явно прорублены позднее. Заметим, что не в традициях того времени было устраивать оконные проемы в погребах со стороны проезжих улиц. Обычно подвалы освещались через окна, обращенные во внутренний двор городской усадьбы. И действительно, небольшой зондаж на противоположной – южной стене подклета

– тут же выявил арку и контуры подлинного древнего окна. (Рис. 19). Это окно, равно как и находившееся рядом с ним на той же стене, было заложено при возведении пристройки со стороны южного дворового фасада. На чертеже Ф. Ф. Ябса 1823 г. они изображены в виде двух ниш. (Рис. 11).

Западный погреб (левый от сеней) сохранился полностью, в чем не сомневался и Ю. П. Спегальский. Но здесь следует отметить принципиальную его особенность. По размерам он значительно меньше остальных подвальных помещений, а его южная стена подвинута ближе к центральной продольной оси здания и не совпадает в плане с линией наружных стен других погребов. Такое урезание одного из крыльев традиционно-трехчастной планировки древних палат может свидетельствовать лишь о том, что к этой стене примыкал некий объем придающий плану здания форму «глаголя». Подобное композиционное решение получило распространение и развитие в псковском жилом зодчестве лишь в последней четверти XVII в.²¹⁷ при восстановлении города после пожара 1682 г. Причем, в нашем варианте оно возникло не случайно «путем пристройки под углом к старым палатам»²¹⁸, а было заведомо спланировано. Другая, не менее важная особенность западного погреба состоит в том, что южная его стена не имеет дверного проема для входа в смежное помещение. На нее опирается цилиндрический свод с низкой пятой без каких-либо распалубок.

Из этого следует, что примыкающее к внешней стороне этой стены соседнее юго-западное помещение не имело связи с подвалами, находилось как бы «вне погребов» и не на их уровне. Вход в него осуществлялся через отдельные сени со стороны дворового фасада, что хорошо видно на чертеже Ф. Ф. Ябса. Уровень пола этой небольшой угловой палатки с сенями соответствовал дневной поверхности XVII в. Она хорошо освещалась небольшими окнами с решетками и ставнями, имела место для печи и была перекрыта, скорее всего, крестовым сводом, подобным тому, каким перекрывались рундуки на крыльцах псковских палат. Компактные сени под цилиндрическим сводом являлись своеобразным тамбуром для сохранения тепла, и

свидетельствовали о том, что палатка вполне могла быть использована для жилья или имела иное назначение, требующее всесезонного комфортного пребывания.

Возможна и другая версия возникновения столь необычного планировочного решения палат серебряника, более близкая к наблюдению Ю. П. Спегальского о распространенном в те времена опыте пристройки новых палат к старым, усложнявшим традиционно-простые планировочные схемы жилых зданий. Здесь мы видим соединение двух таких простейших схем, коммуникационно не связанных между собой: двухчастной палатки и трехчастных погребов. В этом случае погреба должны были возводиться позднее с учетом уже существовавшего до них строения. Они как бы охватывали палатку с двух сторон. Отсюда могла происходить их не стандартная планировка с урезанным северо-западным подвалом. Эта версия означала бы, что двухчастная в плане каменная палатка (или иное каменное строение с тем же объемом) находилось здесь до пожара 1682 г. и составляла часть жилого хоромного комплекса, принадлежавшего еще отцу серебряника – Венедикту Сарпунову. Она могла быть сохранена или перестроена при возведении новых каменных палат в середине 1680-х гг. Заметим, однако, что пристроить глубокие подвалы к палатке с высоким фундаментом довольно проблематично. Поэтому, за неимением конкретных археологических данных это подтверждающих (не выявлены швы, разделяющие двух и трехчастные объемы здания, их «строительные линзы» и т. д.) – подобная версия не представляется обоснованной. Вероятно, все же, обе части дома были пристроены одновременно, и каменных дел мастер, выполняя желание М. В. Сарпунова расширить назначение первого этажа, обычно служившего лишь для хранения «жизненных припасов», мыслил привычными категориями и комбинировал традиционно простые планировочные схемы.

Такое оригинальное для своего времени совмещение в нижнем «подклетном» этаже нежилых и жилых помещений, вынуждает подробнее рассмотреть их назначение.

В «Материалах для археологического словаря», составленных в 1860-е гг. графом

А. Уваровым со ссылками на известных историков, которых отделяло от изучаемого нами времени немногим более ста лет, находим следующее пояснение: «Подклет с глубоким подвалом (повсеместно распространенный в средневековой Руси и Скандинавии – Б. П.) ... служил в случае неожиданного ночного нападения и пожара, для спасения жильцов и их пожитков ... - и далее – подклеты были глухие и жилые»²¹⁹. И действительно, во времена свирепых городских пожаров укрыться можно было только за толстыми стенами глубоких «глухих» подвалов, перекрытых массивными каменными сводами с «пазухами» и «шелыгами»²²⁰, забитыми сверху песком и замощенными кирпичом или дубовой брусчаткой. Немногие оконные проемы этих подвалов, выходявшие обычно во двор, были надежно защищены железными наружными и внутренними ставнями, а также коваными решетками, «намертво» заделанными в стены. В таких подвалах не только спасались хозяева и домочадцы, но хранили «казну» и другие ценные пожитки, оберегая их от воров²²¹ и огненной стихии. Для этой цели в стенах размещались специальные ниши (внутристенные шкафчики), запирающиеся железными дверцами. По словам А. А. Тица: «эти своеобразные сейфы имелись во многих домах и устраивались обычно в наиболее безопасных помещениях нижнего этажа»²²². В то же время, хозяйственное назначение погребов было крайне важным для ежедневного обихода. В них хранили бочки с вином, медом и квасом, всевозможные разносолы и другие продукты, заготовленные на зиму (как правило, в больших количествах) и употребляемые ежедневно. Здесь стояли бочонки с маслом и топленым салом, висели свиные и говяжьи полти, а в кулях – сухие снетки, вяленая и копченая рыба; в коробьях и закромах сберегалось самое важное – годовые «хлебные запасы».

Кроме того, в «подсенье», расположенном между погребами, складывалась наиболее ценная медная и оловянная утварь, используемая не каждый день, но не менее необходимая в зажиточном домохозяйстве: разнообразные медные котлы, в том числе для варки пива и вина («котел винный с трубами»), ковши ручные пивные и «чем воду

черпают», котелки, блюда, подблюдники, утюги медные и железные, оловянные кружки и тарелки, судки и «перешницы», ведерки и «водопуски» медные, воронки, тазы, умывальники, запасные подсвечники, шанданы, лунники, паникадила, горшки «в чем варят кушанье», сковородки, енды, кумганы, противни и даже «урины медная» (ночные горшки). В подклете хранилось также боевое оружие хозяина, его сыновей и челяди мужского пола, приписанных на случай осады города к так называемому «посадскому» полку. Весь этот «пазовый запас» подробно расписан в «Домовой книге» псковского купца Никифора Ямского – современника и коллеги Михаила Сарпунова по посадской службе в городской рагуше²²³.

Но что могло находиться в «жилом» подклете серебряника? Его ученики и крепостные работники жили, конечно, не в хозяйском доме, а в надворных постройках – клетях или избях. Тогда, может быть, в нем размещалась поварня? С современной точки зрения, казалось бы, логично иметь в доме кухню, расположенную возле погребов с продуктами. Но в допетровскую эпоху, во избежание частых пожаров, горожанам строго предписывалось строить поварни отдельно и подальше от жилья. Царские указы псковским воеводам из года в год повторяли одну и ту же фразу: «Да и того беречь, чтоб во Пскове в городе и на посаде, и в слободах в летнее время в жаркие дни всякие люди изб и мылен не топили, и с огнем поздне не сидели и не ходили, а для хлебного печенья и где есть варить – велеть всяким людем поделатъ печи на огородах и на полых местех ... не близко от хором»²²⁴. В государевом указе от 17 апреля 1670 г. воеводам в очередной раз напоминали: «...а велеть хлебы печь и есть варить в поварнях, а у кого поварен нет, и вы б велели поварни (сделать – Б. П.) и в поварнех, и на дворех, и в городех на полых местех сделать печи не близко от хором...»²²⁵. Поварни ставились отдельно от жилых строений даже во дворах очень знатных горожан. По «Описи Аптекарскому и иным дворам...» 1676 г. на дворе окольного князя Василья Богдановича Волконского имелась «поварня еловая ветха, одне стены пяти сажен, а другие три сажени»²²⁶. Отдельно от жилых па-

лат возводились и каменные поварни. Так на чертеже 1695 г., запечатлевшем отписанный на государя, богатый посадский двор «гостя» Афонки Евтифеева в Москве на Якиманке, равный по площади псковскому двору М. Сарпунова, изображена каменная поварня с деревянной надстройкой, стоявшая отдельно, «как обычно в боярских хоромах», от жилого дома (под прямым углом к нему). Рядом находился колодец. По двум другим сторонам двора размещались: «изба воротная», сарай, погреб дубовый с напогребницей, и конюшня на три стойла. За поварней находился сад, а за хозяйскими палатами – огород²²⁷. Укоренившийся за сотни лет обычай ставить на городских подворьях поварни отдельно от жилых домов, как деревянных, так и каменных, отчетливо прослеживается при изучении состава помещений подавляющего большинства древнерусских палат. В монографиях Ю. П. Спегальского и А. А. Тица посвященных каменным жилым зданиям XVII в., среди множества их изображений и описаний, полностью отсутствуют примеры устройства поварен непосредственно в жилых домах. Исключение составляют лишь Поганкины палаты²²⁸ с необычно большим количеством помещений, растянутых в плане едва ли не по всему периметру этого богатейшего в Пскове купеческого двора. Причем поварни здесь находились в одноэтажной части здания²²⁹ не имевшей сообщения с другими помещениями. Приготовленную в них пищу, прислуга носила в столовую палату через весь двор, так же, как и при обычном, отдельном от жилья расположении древнерусских кухонных строений.

Из сказанного следует, что поварни не могли находиться в составе традиционно-трехчастных или слегка расширенных в плане жилых палат, и, тем более, размещаться непосредственно под жилыми помещениями.

В подворье же М. Сарпунова поварня располагалась напротив дома, параллельно ему, или была устроена на погребях, обнаруженных в траншее при прокладке водопровода в 1981 г. Торцевая стена этих погребов длиной 2,5 сажени (540 см.) находится в четырех сажнях (860 см.) от южного фасада дома, к западу от главного в него входа. Погреб в таком случае располагались под

прямым углом к жилым палатам и отделяли «чистый» двор от «хозяйственного».

Для чего же тогда понадобился Михаилу Венедиктову «жилой подклет»? Ответ, на наш взгляд, кроется в его основной профессии. Если ближайшим его соседям – купцам Меншиковым и Поганкиным подклеты нужны были не только для сбережения жизненных припасов, но и для временного складирования оптовых партий товаров которые развозились отсюда по их торговым лавкам для розничной продажи, то для потомственного серебряника, - помимо погребов для хранения продуктов и ценной утвари, требовалось еще и специальное помещение для его профессиональных занятий. Поэтому в нашем представлении, этот теплый жилой подклет был изначально предназначен для устройства ювелирной мастерской серебряных дел мастера М. В. Сарпунова.

Однако возникает другой вопрос: как объяснить существование на подворье второй ювелирной мастерской, устроенной в деревянном срубе возле западной стены палат, фрагменты которой обнаружены археологическим шурфом в 1991 г.? В ней, судя по многочисленным находкам, (свыше 500 на 4 кв. м.), активно занимались и «бронзолитным делом»²³⁰. Эта мастерская, как уже отмечалось, появилась после возведения жилых палат серебряника, и сгорела вместе с ними при пожаре 1710 г.

Здесь следует вспомнить, что последние десятилетия XVII в. были временем наибольшей творческой и деловой активности М. Сарпунова. Уже в 1678 г. на его дворе проживали ученик и несколько крепостных работников, так или иначе задействованных в ювелирном деле. Среди них сын посадского человека Савы Серебряника Андрейко 25-ти лет, сын «луцкого казака» взятый «для серебряного учения Афонка», и другие (см. выше). После перестройки и расширения подворья в 1683-84 гг. увеличились и возможности размещения в нем новых производственных помещений. Дело существенно разрослось. Вместо одной торговой лавки для сбыта своей продукции, унаследованной им от отца («что была Яшки серебряника»), к концу века Михаила Венедиктов владел уже пятью торговыми заведениями в Серебряном

и Котельном рядах, а также в Примостье на Запсковье. Неизбежно возросло и количество подмастерий и учеников Сарпунова в этом, к тому времени крупнейшем в Пскове, «бронзолитейном и ювелирном» производстве. Помещением для него и служила, выявленная шурфом, деревянная постройка во дворе Сарпунова с «мощной печью» и «большой подпечной ямой облицованной досками», используемая явно для «производственных целей»²³¹. Можно предположить, что она представляла собой просторную клеть с сепями, вытянутую вдоль Сокольей улицы. По другую сторону сеней могла находиться изба для проживания работников и учеников серебряника.

Итак, в конце XVII – начале XVIII в. на подворье М. В. Сарпунова одновременно существовали две ювелирных мастерских: одна – производственная, в деревянных срубах, где трудились и жили ученики и подмастерья, а другая – личная творческая мастерская серебряника в его жилых палатах.

Выяснив назначение всех помещений первого этажа палат Сарпунова и происхождение столь необычного сочетания жилого и нежилого его объемов, продолжим размышлять о первоначальном облике здания.

Крыльцо. Во внутренний угол дома, образованный двумя названными объемами, было встроено парадное «красное» крыльцо, ведущее со двора в приемные и жилые помещения второго этажа. (Рис. 23). Верхним рундуком крыльца служила площадка, вымощенная по своду «вылаза» из центрально погребя. С нее по широкой и крутой лестнице²³², примыкавшей к дворовому фасаду, осуществлялся спуск на нижний рундук, ограниченный по углам круглыми столбами и полустолбами, с которого, в свою очередь, по нескольким ступеням, обращенным на восточную и западную стороны, сходили во двор. (Рис. 23 и 24). Угловая компоновка крыльца обеспечивала удобный доступ к нему как со стороны двора, так и со стороны въездных ворот и калитки. По сути она повторяла традиционную схему древних парадных крылец с боковым лестничным всходом, пристроенных к основному объему здания (Солодежня, Второй дом Подзноева и др.), но

была охвачена этим объемом с двух сторон. Такая композиция являлась переходной для более позднего архитектурного решения, так называемого «встроенного» крыльца – полностью включенного в «тело» сооружения. (Палаты Ямских, Трубинских, Постникова).

Второй этаж

С верхнего рундука крыльца осуществлялся вход в сени второго этажа. Этот этаж был полностью перестроен в XVIII в., а старые его стены сломаны и заменены другими, более тонкими. Так, наружная северная стена, в которой помещались внутрискрипные лестницы ведущие в погребя, достигала, как и в нижнем ярусе, двухметровой ширины, но была срублена до основания, а уцелевшие ее фрагменты облицованы изнутри кирпичом. (Рис. 20). Не располагая возможностью провести необходимые натурные изыскания для выявления остатков старых стен второго этажа, попытаемся все же в общих чертах обосновать его гипотетическую реконструкцию. (Рис. 24).

В большинстве сохранившихся в Пскове каменных жилых домов XVII в. планировка второго этажа (за редким исключением) повторяла план нижнего яруса, то есть подклета. Эта давняя традиция, возникшая из опыта хоромного строительства, где равные по размеру помещения устраивались в срубах одно над другим, была повсеместно распространена и в каменном зодчестве, ибо стены палат второго этажа, особенно нагруженные сводами, должны были опираться на стены первого. В реконструкции палат Сарпунова на первый взгляд, также не видно причин придерживаться иного принципа. Поэтому в начале наших рассуждений будем исходить из того, что план второго этажа здесь соответствовал плану первого и, соответственно, полагать, что если подклет палат серебряника представлял собой сочетание трехчастного и двухчастного объемов, то и расположенный над ним этаж повторял ту же схему. Причем, основными и наиболее крупными являлись помещения образующие трехчастный объем, в центре которого находились сени. На них и осуществлялся подъем со двора по парадному «красному» крыльцу.

Известно, что палаты второго «основного этажа в трехчастном посадском доме ... выполняли функции общих приемных комнат»²³³. С одной стороны сеней здесь обязательно находилось главное помещение дома – «столовая» палата (в деревянных хороммах – «горница»), а с другой – просто «комната» или комнаты разных назначений. По мнению А. А. Тица, «наличие этих помещений в обычном посадском доме и их распространенность подтверждается текстом «Домостроя»... “А в горнице и в комнате, и в сенях, и на крыльце, и на леснице, всегда было бы чисто, и рано и поздно”»²³⁴. О том же свидетельствуют и другие приведенные им материалы. Однако Ю. П. Спегальский был убежден, что в богатых жилых зданиях Пскова приемные помещения разделялись сенями на «столовые» и «веселые палаты», и более того, что наличие таких «веселых покоев» было обязательным²³⁵. Не сомневался он в этом и по отношению к дому Предводителя дворянства. «Новым в решении плана палат на Романовой горе, - писал он, - являлось то, что обращенные ко двору стены столовой палаты, сеней и «веселого покоя», которые в палатах Гурьева строились как одна фасадная стена, здесь оказались внутренними перегородками...»²³⁶.

С таким представлением о назначении помещений второго этажа в древнерусских жилых домах не соглашался А. А. Тиц. В своей обстоятельной монографии он приводит аргументы, основанные на изучении широкого круга источников: «Что же касается предположения Ю. П. Спегальского, о том, что помещения ... предназначались только для увеселений, т. е. служили специальными «веселыми покоями» то оно вызывает серьезные возражения. Название «веселый покой» не встречается в описях и строительных документах эпохи. Оно упоминается в одном из текстов повести конца XVII в. «История о российском дворянине Фроле Скобееве». Это еще не дает основания считать, что «веселые покои» были обязательны и что они имелись в каждом богатом купеческом доме...». Далее в примечании он тщательно анализирует различные тексты этой повести и приходит к выводу, что фраза в одной из ее редакций: *«и те девицы пошли их провожать до тех*

покоев и обратно пошли в веселы покои в которых веселились», - была своеобразной импровизацией переписчика. Она отсутствует в других текстах и «ни в коей мере не указывает на обязательность этих покоев...»²³⁷ во всех посадских домах того времени.

Со своей стороны добавим, что наши сведения о личности заказчика и владельца «палат на Романовой горе», выросшего и воспитанного при монастыре, - характеризуют его как человека строгого христолюбивого нрава, неустанного церковного попечителя, имевшего едва ли не духовный статус монастырского «строителя». Они полностью исключают предположение о существовании в его доме помещения специально предназначенного для осуждаемых церковью скоморошских игрищ и подобного «пьяного веселья».

Уточнив это важное обстоятельство, рассмотрим назначение и общий вид каждого из помещений второго этажа палат Сарпунова.

Парадные сени. С верхней площадки «красного крыльца» широкий дверной проем с железной наружной дверью и деревянной – внутренней, вел в просторные парадные сени. Своими размерами в плане они полностью повторяли подсенье, имея три сажени (648 см.) в ширину, четыре сажени без полуаршинна (828 см.) в длину и общую площадь 53,6 кв.м. Как известно, в них встречали гостей, совершали пресловутый «поцелуйный» и другие обряды, но, прежде всего, они «служили основным связующим элементом для всех частей здания. Через сени попадали в приемные – общие комнаты, отсюда можно было подняться при наличии третьего деревянного этажа, наверх, в жилые покои... Кроме того, из сеней можно было попасть в “отхожее место”»²³⁸. Для этих целей во всех стенах сеней имелись соответствующие дверные проемы. В южной стене, рядом с главным входом, находился дверной проем, ведущий в традиционную светелку над крыльцом; через который попадали во внутреннюю лестницу для подъема на чердак; в центральной части восточной стены – проем для входа в «столовую палату»; напротив него – в западной стене – вход в жилые покои, а в северной стене – дверь во внутривосточный

туалет. (Рис. 24). Все дверные проемы имели заделанные в стену дубовые колоды, с массивными деревянными дверными полотнами, которые навешивались с помощью изящных кованых жиковин и запирались узорчатыми секирными замками. Кроме того, в XVII в. «палаты большей частью топились «побелому» - из сеней через специальные проемы ... (а сами) печи обычно располагались как в избе, возле входной двери»²³⁹. Подобная схема отопления использовалась, на наш взгляд, и в палатах Сарпунова. В поперечных стенах сеней были устроены сквозные топочные ниши, которые закрывались железными дверцами, как это можно видеть в соседних палатах Меншикова. Следует добавить, что печи в палатах обычно устанавливались возле северной стены. Соответственно должны были быть расположены и топочные ниши в сенях.

По наблюдению А. А. Тица, сени во многих домах того времени, из-за «незначительной протяженности наружных стен и наличию дверных проемов, освещались слабо – одним, в лучшем случае двумя, маленькими окошечками»²⁴⁰. Так и здесь, мы имеем в сенях лишь одну наружную стену – северную, (противоположная закрыта крыльцом), а в ней – единственное место, где можно разместить оконный проем – слева от туалета.

Туалет же был устроен в толще северной стены сеней и освещался, по обыкновению, небольшим оконцем. Сброс нечистот из рундука происходил через вертикальный внутрискрипный канал, возможно, оснащенный гончарными трубами, в специальную выносную бадью, установленную этажом ниже во внутрискрипной нише, фрагмент которой сохранился в подсенье. Эта ниша имела щелевидное оконце для вентиляции, выходящее на Соколью улицу, и небольшую дверцу для выемки сменной бадьи со стороны подсенья.

Парадные сени были перекрыты каменным сводом. В палатном строительстве это являлось общим правилом и делалось не столько ради престижа хозяина, сколько для большей пожарной безопасности. А. А. Тиц отмечал: «Помещение сеней второго этажа всегда перекрывалось сомкнутым или коробовым сводом, даже если соседние палаты имели деревянные перекрытия. Такая мера

предосторожности вполне понятна, так как через сени осуществлялся выход во двор из всех помещений»²⁴¹. Действительно, во всех псковских жилых палатах приемные помещения второго этажа имели сводчатые перекрытия, в том числе и в отмеченных А. А. Тицем особых случаях, примером которых в Пскове являются сени домов «Печенко» и Де Барани» (П. Бахорева)²⁴². Свод сеней палат М. Сарпунова, скорее всего повторял форму перекрытия подсенья, то есть был цилиндрическим и имел распалубки над дверными и топочными проемами в боковых стенах.

Столовая палата. В соответствии с планом подклета, самым большим помещением второго этажа дома Сарпунова, являлась восточная палата, выходящая более острым углом²⁴³ на перекресток улиц Романихи и Сокольей. Назначение ее станет понятным если мы вновь обратимся к исследованию А. А. Тица: «Согласно бытовым традициям того времени, - отмечает он, - лучшее помещение в доме служило для приема гостей, то есть служило столовой палатой»²⁴⁴, - и далее – «месторасположение застольной хозяина не вызывает разногласий у исследователей. Столовая палата – это самое большое и светлое помещение, выходящее на улицу»²⁴⁵. Всеми этими качествами в полном объеме наделена палата, о которой идет речь. Это действительно самое большое и, несомненно, лучшее из приемных помещений дома Сарпунова, которое можно было осветить, как ни одно другое – срезом с трех сторон – наибольшим количеством окон выходящих во двор и на обе улицы. Таким образом, можно смело утверждать, что восточное помещение второго этажа являлось не чем иным, как «столовой» или «застольной хозяина».

Реконструкцию этой палаты следует начать с определения толщины ее стен. Поскольку, как уже отмечалось, мы не располагаем возможностью выявить их остатки «в натуре», вернемся к применяемому здесь методу логических построений.

Северная стена столовой палаты, в которой размещалась внутрискрипная лестница, ведущая в подвалы, должна была быть шириной не менее двух метров (около трех аршин). Такою же (саженной) была и внутрен-

няя поперечная стена, в которой находилась лестница для подъема из сеней на чердак. Обе эти стены повторяли своими размерами нижележащие стены подклета. Есть основания полагать, что и две другие стены палаты – восточная и южная – также повторяли ширину нижних стен. Подобное равенство стен первого и второго этажа можно видеть во многих жилых домах того времени: палатах Меншиковых, Подзноевых, Русиновых, Сырникова и др. При этом, приемные помещения в них всегда перекрывались сводами. Заметим, что при кладке палатных стен псковские каменщики чаще всего ориентировались на следующую их ширину:

Три аршина (1 сажень) – 216 см. – при размещении в стене внутрискенной лестницы.

Два аршина с локтем – 198 см. – в больших палатах с массивными сводами и при размещении внутрискенных лестниц.

Два с половиной аршина – 180 см. – в больших палатах с массивными сводами.

Два аршина – 144 см. – в средних помещениях с небольшими пролетами сводов.

Полтора аршина – 108 см. – в малых палатках со сводами.

В тех же случаях, когда помещения второго этажа имели плоские деревянные перекрытия, ширина их стен по отношению к стенам первого этажа уменьшалась и варьировалась в размерах от двух до полутора аршин (144-108 см.). Все эти сведения необходимо учитывать при реконструкции утраченных этажей псковских палат XVII в.

Эти же наблюдения приводят к выводу, что парадная столовая дома Сарпунова с толщиной стен от 216 до 198 см. имевшая продольные размеры: четыре сажени (864 см.) на четыре сажени с аршином (926 см.) и площадь 80 кв. м. – должна была быть перекрыта красивым сомкнутым сводом с распалубками над дверными и оконными проемами. (Рис. 24).

Количество окон в гостевой «застольной» всегда было максимально возможным. Так, на северной стене, помимо входа во внутрискенную лестницу, размещалось два оконных проема, выходивших на Соколью улицу. В торцевой (восточной) стене палаты находилось, как это часто бывало, три

окна. Из них открывался превосходный вид на улицу Романиху и стоявшую тут же церковь Похвалы Богородицы. На южной стене также помещалось три окна с видом на «чистый» двор и въездные ворота. В центре западной стены был устроен дверной проем для выхода в сени, справа от которого стояла изразцовая полихромная печь, топившаяся из сеней, а слева – оставался единственный свободный участок стены, где мог находиться стенной шкаф или «поставец».

Внутреннее обустройство столовой палаты строго соответствовало традициям, повсеместно распространенным в древнерусском жилище. Как и в любой избе, в палате имелся «передний, старший» или «красный» угол, напротив которого находился второй угол, называемый «середом» или «кут». Третий угол назывался «печным», а четвертый – задний – «коником» или «дверным».

«Красный угол», – по словам В. И. Даля, был – обычно обращен к юго-востоку; солнце утром входило в избу передними, красными окнами; «солнце с избы с красных окон своротило, перешло за полдень»²⁴⁶. В парадной столовой палате Михаила Сарпунова «красный» (юго-восточный) угол находился справа у противоположной от входа стены.

Вдоль стен этого помещения устанавливались прочно закрепленные в полу лавки: у восточной стены под «красными» окнами – «красная» лавка; от красного угла вдоль южной стены – «передняя» лавка; по северной стене – от дальнего «середового угла» до входа во внутрискенную лестницу – «середовая» или «кутная» лавка. Возле печи могла находиться «судная» лавка, а у дверей – «коник»²⁴⁷.

Перед «красной» лавкой вдоль всей восточной стены от «красного» угла до «середового кута» устанавливался длинный «прямой стол», закрепленный, как и лавки, в полу столовой палаты. Известно, что «постоянное расположение стола и скамей, а также твердо закрепленное почетное место «под образами» в красном углу во многом было связано с укоренившимися обычаями «местничества»²⁴⁸. Иногда, при большом числе приглашенных гостей. К основному «прямому столу» вдоль боковой «передней лавки» приставлялся так называемый «кривой

стол». За главным столом по правую руку хозяина на «красной» лавке рассаживались духовные чины и наиболее почетные гости, по левую – на приставных «перекидных» лавках – или вдоль «кривого стола» могли садиться прочие гости и родственники.

Основное приемное помещение дома М. В. Сарпунова было украшено как ни одно другое. В связи с этим снова напомним А. А. Тица, повторившего в общем подобные наблюдения И. Е. Забелина: «палата, — писал он, — которая выполняла функции парадной столовой, имела особо богатое убранство. В ее «красном углу» расставлялись «святые и честные образы, написаны на иконах по существу». Этот домашний алтарь согласно «Домострою» необходимо было устроить «благославно ... со всяким украшением и со светильники ... и храм тот всегда чист имети паче иных храмин». Потому часто эта палата носила также название крестовой»²⁴⁹. К украшению своего домашнего алтаря, несомненно, приложил руку сам хозяин. Серебряные ризы и золотые венцы для основных семейных икон, луженые светильники и паникадила мог делать не только он, но и его отец – Венедикт Ларионов – также известный в свое время ювелирный мастер. Далее А. А. Тиц пишет: «Особенно красочно выглядели приемные покои в праздники. Столовая палата в эти дни «наряжалась сукнами», на лавки клались богатые, нередко бархатные полавашники, столы застилались расшитыми «подскатерниками», окна украшались расписными «наокошечниками», на пол клались разноцветные ковры.... В стеновых шкафах и поставках выставлялась богатая нарядная посуда и утварь: резные братины, узорчатые ковши, серебряные кубки, а иногда и «фряжские диковины». Освещалась палата в торжественные дни восковыми свечами с помощью стоячих или стеновых «шенданов», а также «слуденых фонарей»²⁵⁰. Добавим, - значительная часть этой выставляемой драгоценной утвари могла быть изготовлена собственными руками серебряника и его отца.

Из столовой палаты по узкой внутренней лестнице шириной немногим более аршина (ок. 80 см) был устроен спуск в погреб, из которых в любой момент могли по-

даваться к праздничному столу различные вина и закуски. Лестница перекрывалась ступенчатыми сводами (Рис. 20), и состояла из двух маршей: один находился в северной стене столовой палаты, другой во внутренней поперечной стене подклета. Таким образом, она имела три площадки: верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя могла освещаться небольшим оконным проемом с полным набором обычных деталей: деревянной обвязкой во внутренней четверти, стекольчатой оконницей, ковеной решеткой и наружным отворным ставнем; средняя – узким щелевидным оконцем, которое сохранилось до наших дней. Кроме того, на верхней площадке (как и на нижней) в торцевой стене находилась специальная ниша для светильника, а в дверном ее проеме со стороны столовой палаты, для утепления, была установлена деревянная дверь в колоде.

Комнаты. По другую сторону парадных сеней, напротив столовой палаты, находилась дверь, ведущая в, так называемые, комнаты. В общих чертах они повторяли в плане расположенные под ними помещения, но с существенной разницей, которая состояла в следующем:

На первом этаже этой части дома имело место, как мы помним, сопряжение трех - и двухчастного его объемов. Они были разными по уровню, не сообщались между собой и обладали отдельными самостоятельными входами. Помещения же второго этажа, сооруженные над ними, имели общий уровень пола, единственный вход со стороны сеней и, соответственно, связь между собой через внутренний дверной проем. Первая комната, расположенная над глубоким погребом основной части здания, была, таким образом, проходной. Из нее попадали в покои, находившиеся над мастерской серебряника. При этом не было особой нужды устраивать в них две отдельные малые комнаты, повторяя нижележащую планировочную схему, которая возникла из необходимости устройства небольших сеней для входа в мастерскую со двора. Над ними могло быть и одно просторное хорошо освещенное помещение. Поэтому будем исходить из того, что в западной части второго этажа размещались две близких

по размеру смежных палаты или комнаты: передняя (проходная) и задняя, - составлявшие единую, левую от сеней, половину дома Сарпуновых.

Толщина наружных стен в этих помещениях предопределялась нижележащими стенами мастерской и не могла превышать двух аршин (144 см). Лишь северная стена передней комнаты, в которой находилась внутростенная лестница, была трехаршинной (ок. 216 см). В то же время ширина восточной, обращенной к крыльцу, стены второй комнаты составляла лишь полтора аршина. Подобной, вероятно, была и внутренняя стена между комнатами. Уточненные размеры стен позволяют определить площадь этих помещений. Первая комната имела три с половиной сажени в длину (756-770 см), три сажени в ширину (648-650 см) и площадь 49 м²; вторая – три с половиной сажени в длину (~770 см), две с половиной сажени в ширину (524 см) и, соответственно, площадь 40 м².

Как уже отмечалось, в практике древнепсковского посадского строительства подобное соотношение толщины стен и площади помещений второго этажа предполагало устройство в жилых палатах плоских деревянных перекрытий. Из этого следует, что если сени и столовая палата дома Сарпуновых были перекрыты сводами, то другая половина второго этажа, состоявшая из двух комнат, имела плоские деревянные потолки, уложенные по деревянным балкам²⁵¹.

Передняя проходная комната освещалась четырьмя окнами. Одно из них – в толстой северной стене рядом со входом во внутростенную лестницу ведущую в подвал, было обращено на Соколью улицу. Три других – с видом на избу-мастерскую и расположенный за нею сад – занимали всю западную стену, так как эта более тонкая стена в сочетании с плоским перекрытием помещения позволяла разместить максимальное число оконных проемов. В центре противоположной восточной стены находился основной дверной проем с выходом в сени. По одну его сторону - в северо-восточном углу - стояла изразцовая печь, топившаяся из сеней, а по другую – имелось место для поставца или внутростенного шкафика. В «переднем» (в данном случае северо-западном) углу не-

применно был устроен киот для небольшого иконостаса. В таких «передних или красных углах под образами, которые составляли необходимое украшение каждой комнаты, стояли столы простые дубовые, иногда на точеных ногах липовые или крашенные. Передний угол был первым почетным местом в комнате...»²⁵². От него вдоль всей западной стены под окнами протянулась закрепленная в полу «красная лавка» с резными «опушками». Левее, на южной стене, находился дверной проем входа в «заднюю» комнату.

Эта вторая комната, расположенная над мастерской серебряника, наиболее компактная из помещений основного этажа, освещалась пятью окнами, заполнявшими все наружные стены. Три южных окна выходили на хозяйственный двор, а два западных были обращены в сад. Палата обогревалась круглой изразцовой печью, так называемой «проводной» или «насадной трубой», в которую поступал горячий воздух из нижней печи, устроенной на первом этаже в мастерской серебряника. Такой способ отопления верхних этажей и жилых чердаков был повсеместно распространен как в хоромном, так и в палатном строительстве конца XVII в.²⁵³.

Итак, напротив столовой палаты в левой от сеней половине дома Сарпуновых находились две просторные, хорошо освещенные, теплые комнаты с деревянными потолками. При этом, как мы могли убедиться, ни одна из них не могла быть предназначена специально для неких развлечений, то есть служить пресловутой «веселой палатой». Какова же их роль в бытовом обустройстве жилого дома?

Рассматривая похожий вариант планировки основного этажа в доме Сапожникова (Гороховец), А. А. Тиц писал: «Довольно часто, особенно в конце XVII в., во второй половине дома делалась не одна палата, а две небольших. При таком решении это, очевидно, общая комната семьи, горница, и кабинет хозяина – «комната». В ряде случаев из комнаты хозяина устраивался ход в подклет, что позволяло домовладке лучше соблюдать домостроевскую заповедь: “чтобы было все в счете и в писме”»²⁵⁴. Заметим, что внутростенный лестничный ход в подвал находился и в одной из комнат второй половины дома

Сарпунова. Но здесь аналогичное использование хозяйских апартаментов вызывает некоторые сомнения. Во-первых, как отмечалось выше, серебреник уже имел отдельное помещение для своих основных занятий – мастерскую в жилой части подклета (помимо второй мастерской отдельно стоявшей во дворе) и особой необходимости в еще одном кабинете не было. Во-вторых, подобное назначение помещений основного этажа должно было предполагать существование в палатах Сарпунова полноценного третьего этажа определенного для жилья, как это было в соседних домах Меншиковых. Однако в отличие от разросшегося рода Меншиковых, семья Сарпуновых на момент строительства палат состояла лишь из трех-четырех человек: самого хозяина – Михаила Венедиктова, его жены Марфы, и сыновей – Кузьмы (1668-1680-е) и Ивана (1673-1709). Причем Кузьма умер в отрочестве: или до, или вскоре после возведения нового жилища. Появившаяся позднее Наталья (сестра или жена Ивана?) тоже прожила недолго, а некий Гавриил умер во младенчестве. Таким образом, состав этого семейства не нуждался в большом количестве жилых помещений и в возведении для жилья еще и третьего этажа. Две просторные теплые комнаты (40 и 50 м²), расположенные на второй половине дома Сарпуновых вполне могли удовлетворять потребности в достаточно комфортном для своего времени проживании небольшой семьи серебреника. (Что, впрочем, не исключает использования части подкровельного пространства здания в качестве «жилых чердаков»).

Такое расположение жилых покоев – «через сени против столовой палаты» – соответствовало давней и повсеместно распространенной на Руси традиции. Поэтому имеет смысл еще раз уточнить состав и название основных жилых помещений в посадском доме. «Теплое жилье (в нем), - писал гр. А. Уваров, - состояло из одрины и повалуши. Одрина, ложница или спальня топилась»²⁵⁵. Повалушей, по определению В. И. Даля, называлась «общая спальня особенно летняя, холодная, куда вся семья уходила на ночь из топленной избы, из чистой горницы, повалиться, то есть спать». «Она бывалаверху..., или была отдельно через сени..., ныне

больше через сени...»²⁵⁶. Таким образом, повалушу и одрину объединяет, казалось бы, одна функция – и та и другая использовались как спальные помещения. Не случайно гр. А. Уваров полагал, что «повалуша, как кажется, принадлежала к женскому»²⁵⁷ отделению дома, потому что в летописях и в песнях она упоминается, когда речь идет о женщинах»²⁵⁸.

Иной точки зрения придерживался И. Е. Забелин: «В больших хоромах, - отмечал он, - обширные сени соединяли горницу или комнаты с повалушею или повальшею, которая всегда ставилась особняком от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете в два или в три яруса. Это был обширный летний, то есть холодный покой, ... служивший большею частью в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повальша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых ... хоромах она соответствовала древней гридне, а впоследствии столовой, то есть парадной комнате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этою, может быть, целью повалуша ставилась подальше от жилого помещения и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними...»²⁵⁹. Это представление о роли, местоположении и эволюции повалуши в древнерусском жилище является, на наш взгляд, наиболее верным. Таким образом, функции старинной повалуши в трехчастных посадских домах XVII в. (равно как и в доме М. Сарпунова) выполняла столовая палата, которая, как известно, относилась к мужской половине дома. В свободное от праздничных торжеств время она использовалась для общего пребывания и послеобеденного отдыха членов семьи.

Соответственно, на другой половине дома – через сени – находились «горницы или комнаты». Так обычно именовали «жилые помещения в верхней части строения»²⁶⁰. В источниках горница нередко наделялась эпитетами «белая», «чистая» или «светлая», что подчеркивало ее отличие от других помещений, как нарядной жилой комнаты. В хоромах она «всегда строилась на подклете, почему и называлась горницею, как верхний, горний покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с красными ко-

сящатыми окнами... Сверх того, горница отличалась от избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая круглая или четырехугольная... в отличие от избной ... русской печи»²⁶¹.

Размещение во втором этаже жилого дома по сторонам сеней повалуши (столовой палаты) и горницы или горниц (нарядных жилых комнат) имело место не только в больших хоромах²⁶², но и в богатых жилых комплексах соединявших в одном уровне деревянные и каменные объемы здания. Из летописи, например, известно, что при строительстве Владычного двора в Пскове в 1535 г. силами местных монастырей «мшили горницы и повалоушу склали»²⁶³. Эти два основных помещения древнерусского жилища неизбежно ставились против друг друга и при возведении многих (хотя и не всех)²⁶⁴ каменных посадских домов вплоть до начала XVIII в.

Причем горницы на жилой половине дома дополнительно утепляли «чистыми» деревянными полами («мостами») и подшивными потолками («подволоками»), дверными и оконными заполнениями в массивных колодах, обитыми «полстями и сукном», со специальными «вставнями и втулками», а иногда и обивкой каменных стен по войлоку сукнами или кожами или обшивкой их, как в палатах Ямского, деревянными панелями.

Подобные горницы или комнаты находились и на жилой половине дома Сарпуновых. Это была женская половина с непременно «одриной, спальней или ложницей». Первая комната, в которую попадали из сеней, называлась «передней горницей»²⁶⁵ или «передней комнатой». Она служила общей комнатой семьи. Помимо уже известных нам деталей интерьера: киота, размещенного в переднем углу, широких пристенных лавок «с опушками», раздвижного стола со стульями, и угловой изразцовой печи, - в ней стояло много сундуков со всевозможной «домашней рухлядью». Тут же на перинах уложенных на лавки мог спать хозяин или его сын Иван, но в течение дня в горнице распоряжалась хозяйка²⁶⁶. Отсюда по внутрискрипной лестнице всегда можно было спуститься в подклет, достать необходимые в данный момент, вещи, продукты или напитки.

Вторая – «задняя комната» являлась «одриной» или «ложницей», то есть собственно хозяйской спальней. И, коль скоро, по замечанию И. Е. Забелина: «в спальней или ... постельной комнате первым предметом ее убранства была постель, то есть кровать со своим постельным убором», - то помимо обязательного киота, пристенных лавок и изразцовой (в данном случае круглой) печи, - здесь находился и главный, «самый видный предмет комнатного наряда»²⁶⁷ - широкая резная кровать со «стамедной завесой», подобная той, которая стояла в спальней Н. И. Ямского²⁶⁸. Постельное белье, или так называемая «белая казна – сорочки простые и нарядные, поясы верхние и нижние, простыни, полотенца, утиральники, ширинки и т. п.»²⁶⁹ хранились по обыкновению в многочисленных сундуках или коробьях. Предметы женского убранства – «в ларцах, ящиках и шкапунах». Пол спальни комнаты устилал ковер. Свободные участки стен в конце XVII в., как и в палатах Н. И. Ямского, могли украшать шпалеры немецкой работы²⁷⁰.

Палатка над крыльцом. К помещениям второго этажа палат Сарпунова следует также отнести небольшую палатку, расположенную над нижним рундуком крыльца. Вход в нее осуществлялся из парадных сеней через дверной проем в двухметровой толще южной стены, имевший внутри себя несколько ступеней для подъема на более высокий, чем в сенях, уровень пола. Подобные «палатки» можно было видеть в свое время во многих посадских домах. («Солодежня», палаты Гурьева, Второй дом Подзноева и др.). Ю. П. Спегальский, рассуждая в связи с этим о Солодежне, писал: «Приблизительно в конце 70-х – начале 80-х годов XVII в. в Пскове вошло в обычай при столовой палате устраивать еще небольшую дополнительную палатку (т. е. комнату)... Хозяин этого здания, переделав одну из прежних клеток в столовую палату, надстроил комнату над крыльцом и соединил ее с новой столовой. Так ему удалось приспособить свой дом к изменившимся обычаям, хотя дополнительная палатка при столовой получилась тесной и с довольно неудобным входом»²⁷¹. Не останавливаясь на довольно спорных представлениях автора

о древнем облике «Солодежни» и сущности его первой перестройки, заметим, что сооружение палатки над крыльцом не было связано с какими-либо изменившимися в конце века обычаями и новыми потребностями в обустройстве столовой палаты. Напротив, распространение таких архитектурных решений в Пскове, когда после общегородского пожара 1682 г. впервые началось массовое строительство каменных жилых зданий, скорее воспроизводило традиционный опыт возведения на верхних ярусах деревянных хором всевозможных «вышек», «светелок» или «смотрилен»²⁷², которые обыкновенно размещались над сенями или крыльцами древнерусского жилища. И, поскольку, парадное «красное» крыльцо любого посадского дома, как правило, находилось против дворовых въездных ворот, - из такой «смотрильни», хозяевам удобно было видеть, кто и в каком составе подъехал к их подворью, и, по мере необходимости, давать оттуда распоряжения своим «дворовым людям».

В посадских палатах Пскова местоположение «смотрильни» большей частью зависело от формы или типа парадного крыльца. В тех случаях, когда крыльцо ставилось «на отлете», то есть с лестничным всходом направленным в сторону дворового фасада, - «смотрильня» могла быть надстроена над ним в виде деревянного сруба, гульбища или каменной палатки (Третий дом Русинова, дом Жуковой). Если крыльцо было «встроенным», то есть полностью включенным в основной объем здания, - встроенной была и «смотрильня», расположенная в этом случае над нижним рундуком внутреннего крыльца. (Первый дом Ямского). Когда же наружное крыльцо было «примкнутым», т. е. имеющим лестничный всход параллельный дворовому фасаду (Первый дом Русинова, «Солодежня», Второй дом Подзноева), или «угловым», как в рассматриваемых здесь палатах Сарпунова, - «смотрильня» снова сооружалась над нижним рундуком крыльца. И делалось это, прежде всего потому, что нижний рундук парадного крыльца – этот главный портал древнерусских палат – всегда был обращен в сторону въездных ворот²⁷³.

В зависимости от размера сеней посадского дома и высоты их расположения по от-

ношению к дневной поверхности компоновалось и «угловое» или «примкнутое» крыльцо. В большинстве домов сени были узкими и нижний рундук крыльца, а, следовательно, и надстроенная над ним «смотрильня», примыкали к столовой палате, которая, как мы помним, обычно располагалась в доме со стороны улицы, и, соответственно, въездных ворот. В тех же случаях когда сени были широкими, - оба рундука крыльца – (верхний и нижний) умещались против них. Тогда вход в «смотрильню» осуществлялся из сеней, что и имело место в доме серебреника.

Размеры палатки здесь составляли 1,5 X 1,5 сажени, а площадь не превышала 10 м². Наружные стены толщиной 1,5 аршина (108 см) повторяли в плане внешний (юго-восточный) угол крыльца. В каждой из них находилось по окну, одно из которых было обращено к въездным воротам, другое – во двор. Перекрытие палатки состояло из бревенчатого наката уложенного по обвязке и подшитого тесом. В данном случае «смотрильня» могла также использоваться в качестве обычного для того времени «сенника» (от слова сени), который по описанию И. Е. Забелина представлял собою «холодный покой, без печи ... служивший летом спальнею; от теплых хором он отличался особенно тем, что на дочатом или бревенчатом его потолке ..., никогда не насыпалась земля, что необходимо было при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обыкновенно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головой была земля...»²⁷⁴. В повседневной жизни сенник мог использоваться для хозяйственных целей, как «светелка» для женского рукоделья или как кладовая палатка.

К вопросу о палатной кровле

Состав семьи серебреника, состоявшей из трех-четырех человек²⁷⁵, не дает оснований полагать, что для ее размещения требовался еще один жилой, то есть третий этаж – каменный или деревянный. Вероятнее всего, двухэтажные палаты Сарпунова были увенчаны высокой крышей со скатами на все стороны, повторявшей в плане их глаголео-

бразную форму. Иными словами, общая композиция кровли представляла собой соединение углом двух четырехскатных ее объемов.

Форма и конструкция крыши не в последнюю очередь зависели от материала покрытия. Был это «красный тес» или черепица — окончательно прояснится в результате археологического изучения «культурного слоя» вокруг здания. Здесь же имеет смысл изложить некоторые предварительные соображения.

Кровли древнепсковских палат никогда не становились предметом специальных публикаций. Ю. П. Спегальский в известной монографии о псковских жилых домах XVII в. нарочито не касался этого вопроса и целиком сосредоточился на продвижении идеи о существовании поверх каменных зданий полноценных рубленых из бревен этажей, предназначенных для жилья²⁷⁶. Он был убежден, что подобные хоромы сооружались на всех псковских купеческих палатах независимо от времени их постройки, планировки и этажности. Деревянные этажи присутствуют во всех его реконструкциях, во главу которых положен не столько объективный строго научный метод выявления и обобщения натуральных и исторических данных, сколько собственный творческий опыт разработки архитектурно-художественного образа древнепсковского жилища, основанный на некоторых исторических аналогиях и общих концептуальных представлениях автора. Между тем, дальнейшие исследования показали, что далеко не все уцелевшие в Пскове каменные палаты имели в прошлом надстроенные деревянные этажи, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о способах и облике их первоначальных покрытий.

В 1970-е гг. в ходе историко-архивного и архитектурно-археологического изучения древнепсковских посадских подворий и подготовки проектов реставрации палат «Подзноева» и Русиновых автором этих строк проводилось отдельное изыскание о «покрытиях русских гражданских зданий XVII века»²⁷⁷. С этой целью были привлечены доступные в то время публикации отечественных и иностранных письменных и графических источников, изображения древних кровель на иконах и миниатюрах, а также документы

РГАДА с первоначальными сметами и описаниями гражданских построек и другие материалы. Тем самым удалось выявить, рассмотреть и систематизировать большое количество палатных кровель, существенно уточнить их конструкции и обозначить факторы, влиявшие на формирование их внешнего вида. Не отвлекаясь на изложение здесь результатов этих изысканий, отмечу лишь следующее.

Поскольку, как известно, русское зодчество искони было деревянным: из дерева сооружались покрытия русских гражданских зданий, о чем свидетельствуют многие иностранцы, побывавшие в Московии в XVI – XVII веках²⁷⁸. Все существовавшие в то время варианты деревянных кровель использовались в полном объеме при покрытии каменных палат, на которых нередко возводились деревянные «хоромы», «терема», «чердаки» и «вышки». Они оказались крайне опасными в пожарном отношении, ибо при возгорании тушить их имевшимися средствами было невозможно. С началом массового строительства каменных домов в последней четверти XVII века эта проблема серьезно озаботила правительство. Именными указами 1681 и 1688 гг. устройство деревянных надстроек над каменными палатами было запрещено: «...а впредь на палатах своих деревянного хоромного строения отнюдь ни которыми делы никому делать не велено; а ныне у вас у многих на полатах деревянное всякое хоромное строенье, также и чердаки построены во многих местах и от того в нынешнее пожарное время погорели многие дворы и слободы...»²⁷⁹.

Требования властей, продиктованные здравым смыслом, и печальный опыт самих горожан, неизбежно повлекли за собой значительные изменения в устройстве и облике каменного посадского жилища.

Во-первых, целенаправленное и последовательное вытеснение из градостроительной практики деревянного «верхнего жилища» сопровождалось стремлением дворовладельцев сохранить традиционный состав жилых и приемных помещений, что привело к отказу от привычной трехчастной планировки зданий и, соответственно, к усложнению и развиту их планировочной структуры.

Во-вторых, с особой остротой проявилась задача приспособления для жилья собственно каменных палат, проживание в которых прежде считалось нездоровым²⁸⁰. Она была успешно решена с помощью целого ряда конструктивных нововведений.

В-третьих, с 1680-х годов при возведении каменных жилых зданий повсеместное распространение получила ранее хорошо известная, довольно простая и при желании весьма нарядная дощатая четырехскатная крыша с полницами. Устройство полниц диктовалось конструктивной необходимостью, так как каркас высокой шатровой или четырехскатной крыши устанавливался в то время для надежности во внутренний периметр наружных стен здания. Для покрытия самих стен, а также для обеспечения необходимого водоотвода, над ними и устраивалась полница, образующая в основании шатрового покрытия перелом от крутого скага к более пологому. Именно полница стала основной конструктивной особенностью по которой такая крыша получила название «палатной», а покрытие — «палаткой» или «по палатному»²⁸¹. Таким способом покрывались не только жилые палаты но и административные здания²⁸², всевозможные гражданские постройки, и даже шатры крепостных башен строились «по палатному»²⁸³. Форма четырехскатной крыши с полницами была в конце XVII в. настолько популярной, что ее использовали и на деревянных постройках. Источники сообщающие об этом всегда уточняют: «... и те хоромы покрывать с полницами по палатному» или же «срубить избуша новая в ус, в брус и нарядить, и покрыть палаткою»²⁸⁴. Но в этих случаях полница утрачивала свой конструктивный смысл и становилась лишь частью архитектурной декорации.

Все эти наблюдения в равной степени относятся как к Москве, где во времена правления Софьи Алексеевны (1682-1689) «было выстроено, - по словам Де ла Неввиля, - более 3000 каменных домов»²⁸⁵, так и ко Пскову, где после грандиозного пожара 11 мая 1682 г. уничтожившего едва ли не весь город, началось небывалое доселе массовое возведение каменных зданий, ознаменовавшее собой последний строительный период (1682-1710 гг.) в его средневековой истории.

Но в эволюции архитектурных форм древнепсковского жилища, видоизменявшихся с целью достижения большей пожарной безопасности, получила развитие еще одна новация той эпохи — черепичная кровля.

Ее появление в Пскове относится к 1636 г., когда было «велено ... в Кремле-городе старую каменную полату и под нею Зелейной погреб поделати и устроити..., и для бережения от пожаров тое полату покрыть черепицею, и двери, и к окнам затворы у полаты и погреба сделать железные, чтоб та полата и Зелейной погреб впредь было от пожарного времени и от мочей прошно и крепко». Однако «по скаске каменого дела подмастерья Павлика Васильева наперед ... сего во Пскове черепицы не дельвали». Поэтому воевода с дьяком распорядились созвать «в Съезжую избу гончарного дела мастеров и велели ... им с образца сделать 100 черепиц...». При этом они отписали в Москву: «и как, государь, тое черепицу сделают и сколько по смете тое черепицы на ту полатную кровлю надобно, и во что та кровля черепицею станет, и о том мы, холопи твои, к тебе, к государю отпишем»²⁸⁶.

И псковичи постарались. Только на возведение самой Зелейной палаты они запросили из казны 2668 рублей 6 алтын — сумму по тем временам огромную и, судя по объему пороховых погребов, завышенную в 4-5 раз. Сколько сверх того, руководствуясь этими принципами, они запросили за изготовление черепицы можно только догадываться!

Но это был лишь эпизод в строительной истории города. Последующие десятилетия вплоть до катастрофы 1682 г. псковичи продолжали благоденствовать в своих хорамах и палатах с чердаками, взрубками и вышками²⁸⁷ и едва ли кому-нибудь из них приходило в голову сооружать на деревянных хорамах или палатных теремах крайне дорогую, сопоставимую со стоимостью всего дома, черепичную кровлю, которая имела свой практический противопожарный смысл лишь тогда, когда ее устраивали непосредственно на каменном здании²⁸⁸.

Но вот «грязнул гром». «Псков выгорел и городские ворота и стены и башни все огорели, и монастыри, и церкви, и их подворья, и наши холопей ваших домишка со всеми

заводишками, и посадских людей дворы все огорели» — доносил в Москву псковский митрополит Маркелл²⁸⁹. Тогда-то при восстании города, памятуя о царских указах, запрещавших хоромные надстройки над палатами, псковичи и задумались о преимуществах черепичной кровли. Тем более что по соседству имелся наглядный тому пример их ближайшего торгового партнера — Ругодива («чухонской» или «свейской» Нарвы).

После пожара в 1659 г. Королевский совет в Стокгольме решил отстроить Нарву и превратить этот шведский пограничный пункт «в роскошный достойный королевского звания город. Восстанавливать его поручили любекскому архитектору Герту Тойфелю»²⁹⁰. С этого времени в старом городе разрешалось строить только каменные здания, чем и занимался Тойфель на протяжении 30 лет. Возведенные им дома были двухэтажными, сложенными, как и в Пскове из известняковой плиты, с гладкими оштукатуренными стенами, «резными порталами в нидерландском духе с эркером-башенкой посреди фасада или на обоих углах, как можно видеть в доме бургомистра Шварца, построенном в 1686 г.»²⁹¹. Все сооружения Тойфеля имели разнообразные черепичные кровли: от простейших двускатных, устроенных по высоким «старозаветным шипцам» до не менее высоких четырехскатных, как на возведенной им в 1668-1671 гг. Ратуше, или комбинированных, как на здании с эркером, где впоследствии останавливался Петр I. Особенно нарядно выглядели дома именитых горожан на которых Тойфель устанавливал мансардные²⁹² черепичные крыши в сочетании с излюбленными своими эркерами (упомянутый дом Шварца и др.).

Псковские купцы, ездившие по торговым делам в Нарву, значительную часть которых составляли бывшие ивангородцы, с их обширными деловыми связями с ругодивским купечеством, не могли не воспользоваться строительным опытом соседей, что подтверждают примеры прямого заимствования некоторых архитектурных форм. Так, на известном по обмерам И. Ф. Годовикова «доме Жуковой» можно видеть типично «тойфелевский» эркер или «жвиль», а планировка этого дома, равно как и соседних палат

ивангородцев Посниковых, совершенно не свойственная местным традициям, наводит даже на мысль о присутствии в Пскове нарвских строителей.

Но главное. В чем убедились псковичи на примере Нарвы, — в необходимости покрывать свои каменные палаты черепичными крышами, а, следовательно, и в необходимости развивать черепичное производство. Это был новый, непривычный для местных мастеров «промысел» и освоение его в «промышленных масштабах» оказалось делом довольно долгим. Поначалу лишь некоторые каменщики и «муравлешники» переквалифицировались в кирпичников и черепичников²⁹³, и, взяв за основу московскую «S»-образную черепицу, смогли к концу 1680-х годов выполнять отдельные заказы. Однако признать производство черепицы в Пскове массовым, соответствующим потребностям интенсивного каменного домостроения тех лет не представляется возможным.

Сегодня можно назвать немногим более десятка псковских жилых палат, имевших в кон. XVII — нач. XVIII веков черепичные крыши. Среди них дома Трубинских в разных концах города, палаты ивангородцев Н. И. Ямского и И. Я. Посникова и некоторые другие. Формы этих крыш были подобны нарвским: от двускатной по каменному шипцу на флигеле палат Посникова, до мансардной на большинстве остальных зданий. При этом подчеркну, что принципиальной особенностью нарвских, а соответственно и псковских черепичных крыш всех видов, является полное отсутствие полиц (или даже намека на них), так как скаты черепичной кровли всегда выходили за пределы наружного периметра здания, образуя необходимый свес для водоотвода. В верхней части палатных стен этот свес кровли в нарвском оригинале обычно поддерживался уступчатым карнизом, что лишь изредка делалось в Пскове. Судя по обмерам И. Ф. Годовикова именно мансардные черепичные крыши в основном сооружались псковичами, так как позволяли устраивать в подкровельном пространстве привычные жилые чердаки и хозяйственные помещения.

Что же в свете изложенного можно сказать о покрытии палат М. В. Сарпунова?

Построенные сразу после пожара 1682 года (до 1684 г.) они, на мой взгляд, не мог-

ли иметь черепичной кровли, как не имели ее возведенные в то же время по соседству Вторые палаты Меншиковых. В обширных археологических раскопках на Романовой горе 1989-1992 гг. нигде не обнаружены развалы черепицы. Из этого следует, что крыша на доме Сарпунова была дощатой шатровой с полицами, то есть традиционно «палатной».

Общая ее композиция, как уже отмечалось, повторяла в плане глаголеобразную форму здания и состояла из двух соединенных углом четырехскатных объемов. Конструкция «палатной кровли» четко формулируется в одном из документов 1683 года (год строительства дома Сарпунова). На палатах, согласно источнику следовало «обвязать два ряда и покласть связи, как пристойно, и обрешетить тесаными быки и решетины, и покрыть в два теса с скалою и с полицами»²⁹⁴. Бревенчатая обвязка в два-три ряда венцов укладывалась – «рубилась» в соответствующем уступе по внутреннему периметру каменных стен. На местах будущих стропил для погашения их распора в обвязку «врубались» горизонтальные бревенчатые «связи». Затем устанавливались «тесаные быки» - стропила, по которым набивалась обрешетка – «решетины», и по ней уже настилался покровочный материал – в нашем случае состоявший из двух слоев тесаных досок с проложенной между ними берестяной «скалой». Тем же способом «в два теса с скалою» покрывалась и полица. Она обеспечивала свес кровли до полутора аршин (108 см).

В домах наиболее богатых и амбициозных горожан, имевших в палатной крыше жилые чердаки, вдоль по полицам иногда устраивали обходные галереи или «гульбища» в виде огражденных перилами дощатых настилов уложенных по всему периметру здания. Выход на них осуществлялся через, так называемые, «выпускные окна», которые подчас размещались в выступающих из кровли «бочках». В перилах устанавливались «балясы» или «гонки точеные, а брусья, в которых те балясы поставлены, - скреплялись, - кровли кругом связным железом накрепко», — как это было на псковской Приказной палате, построенной в 1692 г.²⁹⁵

Но М. В. Сарпунов, - в отличие от щеславных своих соседей Меншиковых,

умудрившихся украсить окна палат на диво всему городу «столичными» тесаными из камня наличниками с кокошниками, - был человеком смиренным и прагматичным. Соответственно и крыша его дома не несла на себе каких-либо «архитектурных излишеств». Декоративное ее оформление, как и у большинства палатных кровель, было простым, лаконичным и компоновалось в три яруса: нижний – полица с «резными подзорами» (или без них), средний – чердачные окна (скромные слуховые или сдвоенные «косячатые») и верхний – коньковый (без гребней и прапоров).

Угловое крыльцо дома было покрыто тесом на один скат, который являлся продолжением полицы со стороны центральной части дворового фасада. Таким, в общих чертах, представляется первоначальный вид палат серебряника.

Заключение

В завершение очерка несколько слов о перестройках палат М. В. Сарпунова в XVII-XIX вв. Они образуют четыре основных этапа или периода в историко-архитектурной биографии памятника.

Первый — ограничен хронологическими рамками двух городских пожаров 1682 и 1710 годов. Возведенные в 1683 г. палаты серебряника сохранялись в первоначальном виде 27 лет. К сожалению, они не попали в зону архитектурно-археологических исследований Романовой горки проводимых в 1989-1991 годах и детально не изучены, что не позволяет уточнить характер и объемы разрушений вызванных пожаром 1710 г. Однако, не подлежит сомнению, что сгорели, прежде всего, деревянные части здания – кровля и жилые комнаты, имевшие деревянные потолки. Остальные помещения второго и уж тем более первого этажа, перекрытые массивными каменными сводами не должны были пострадать.

Второй период (1711 – 1760-е). Сгоревшие в 1710 году части здания при-

шло сооружать заново. М. В. Сарпунов, оставшийся после морового поветрия без семьи и проживший после пожара еще пять лет, не нуждался в каких-либо изменениях привычного обустройства своего дома. Можно предположить, что в ходе ремонтных работ 1711 года, палаты были либо восстановлены, либо возобновлены в виде близком к первоначальному. Во всяком случае, после смерти хозяина они находились, по свидетельству приказчиков П. М. Апраксина, в хорошем состоянии «со всеми заводы и припасы». Такими их приобрел в 1724 г. А. Ф. Яхонтов. Несколько десятилетий он жил здесь с женой, дочерью и двумя сыновьями, пока к 1760 году семейство не разрослось настолько, что понадобилось больше комнат для проживания. Это и послужило причиной капитальной перестройки старого дома, совершенно изменившей его первоначальный облик.

Третий период (1760-е – 1842). Результаты строительных работ 1760х гг. хорошо просматриваются в чертежах Ф. Ябса. (Рис. 11). На первом этаже со стороны дворового фасада была пристроена кухня, принципиально изменившая объемно-пространственную композицию здания, общий план которого из глаголеобразного превратился в обычный четырехугольный. Ею загородили старые окна подвалов, обращенные во двор, а на месте «красного крыльца» сделали небольшую «парадную» с лестницей на второй этаж. Еще один автономный вход со двора на второй этаж соорудили в сенях прежней мастерской серебреника, где разобрали для этого свод и положили плоское междуэтажное перекрытие²⁹⁶. Между этими двумя отдельными, как теперь бы сказали «подъездами», сохранили старый «вылаз» из погребов.

Второй этаж, имевший прежде высокие своды с распалубками, невозможно было разгородить на комнаты. По-

этому своды, как и толстые саженные стены, были сломаны. Вместо них возвели более тонкие с плоским деревянным перекрытием, что позволило произвести перепланировку большей части дома. Старые «сарпуновские» жилые комнаты, в основном сохранились в своих прежних контурах, но на месте бывших сеней, крыльца и столовой палаты, а также над пристроенной кухней, - расположили просторный вестибюль, и три новые комнаты. Таким образом, жилая площадь увеличилась более чем в два раза.

На фасадах здания появилось много больших оконных проемов, а уцелевшие старые – были растесаны и переделаны в их формах. Вместо прежней крыши, состоявшей из двух объемов, установили общую четырехскатную. В таком же виде здание сохранялось до приобретения его псковским дворянским Собранием.

Четвертый период (1842-2011). Для размещения здесь апартаментов Предводителя дворянства возникла необходимость в обновлении этого старого, обветшавшего к тому времени, дома. К основным особенностям его очередной перепланировки следует отнести устройство нового входа в здание (на месте прежних трех)²⁹⁷. При этом строители умудрились отдать должное сразу двум архитектурным стилям: оформили фасад в духе модного в то время классицизма, и возвели портал из двух полустолбов с аркой в форме древнепсковских крылец. Несмотря на последующие внутренние перепланировки XX века Дом Предводителя дворянства сохраняется в таком виде вплоть до наших дней.

Мы рассмотрели историю лишь одного дворовладения на Романовой горке в Пскове. Не меньший интерес представляют другие, более сохранившиеся здесь купеческие подворья. В 1989-1991 гг. автору этих строк довелось организовать масштабное изучение архитектурных

памятников древней Романихи с целью подготовки проекта реставрации этого уникального комплекса посадской застройки XVII века. К сожалению, это исследование было сорвано на начальной стадии архитектурно-археологических обмеров, но общее археологическое изучение территории Романовой горки и дворов Меншиковых к тому времени все же было проведено в полном объеме и историко-архивные материалы собраны. Надеюсь на дальнейшую публикацию результатов этих изысканий.

Примечания

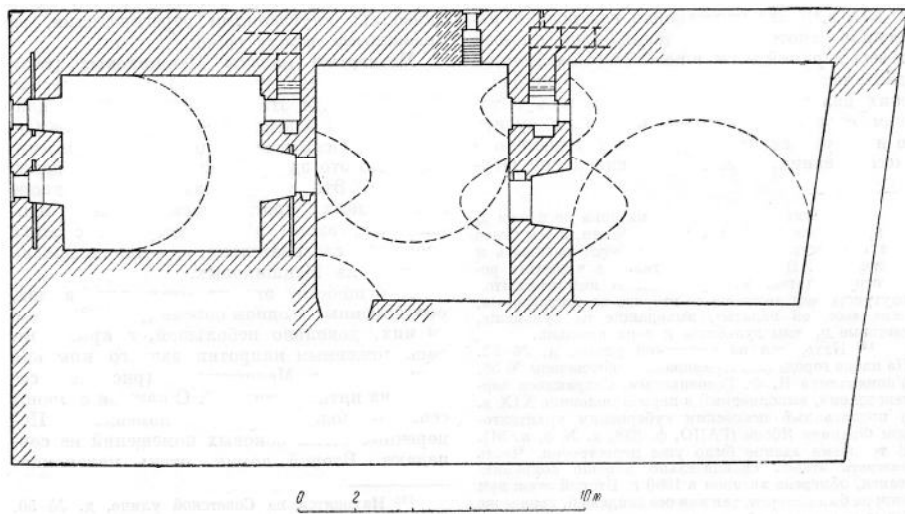
- 209 Современный адрес: Псков, ул. Советская, д. 52-а.
 210 РАН. Архив ИИМК. Отдел рукописей. Ф. 29 (К. К. Романов). Д. 1368. Л. 36.
 211 *Спегальский Ю. П.* Псковские каменные жилые здания XVII века. – М.-Л., 1963.
 212 Там же. – С. 109-110.
 213 Там же. – С. 109.
 214 Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г.
 215 В реставрационной практике существовали в те годы три вида обмеров памятников архитектуры, которые в зависимости от их тщательности называли: «схематичными», «архитектурными» и «архитектурно-археологическими».
 216 См.: *Кильдюшевский В. И.* – Указ. соч. – С. 37.
 217 См.: *Спегальский Ю. П.* Указ. соч. – С. 165.
 218 Там же.
 219 *Уваров А., граф.* Материалы для археологического словаря // Древности. Труды Московского Археологического Общества. – Т. 2. Вып. 2. – М., 1869. – С. 26, 27.
 220 Щельга – округлая верхушка чего либо... (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. – М., 1994. – С. 1304).
 221 В тех случаях, когда своих каменных подклетов не было «горожане отдавали ценности на хранение в приходские церкви и монастыри. Так, 11 декабря 1683 г. в Псковскую приказную избу поступила челобитная Ивана Назимова (соседа М. В. Сарпунова) о краже его 100 рублей денег и имущества на 29 рублей из разломанного сундука, хранившегося в «полате» Спасского подворья Великопустынского монастыря, куда проникли воры, выломав «у полаты окошка» и унеся монастырскую казну». (Псковские акты собрания А. Ф. Бычкова. Каталог. – СПб., 1997. – С. 107).
 222 *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. – М., 1966. – С. 75.
 223 *Евлентьев К. Г.* Памятник псковской старинной письменности «Домашняя книга псковитина посадского человека Никифора Ивановича Ямского» // Псковские Губернские ведомости. – 1873 г. - № 23-39.
 224 Сборник МАМЮ. – Т. 6. – М., 1914. – С. 145.
 225 ПСЗРИ. – Т. I. – М., 1830. – С. 833.
 226 Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. – СПб., 1861. – С. 53.
 227 См.: *Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. – М., 1969. – С. 62-63.
 228 Построены по нашим данным в 1681-1684 гг.
 229 *Спегальский Ю. П.* Указ. соч. – С. 45.
 230 *Кильдюшевский В. И.* Указ. соч. – С. 37.
 231 Там же. – С. 35.
 232 Размер подступенка и проступи в среднем обычно соответствовал одной пяди (27 см.). В нашем случае приемлемо расчетное соотношение 25 X 30 см.
 233 *Тиц А. А.* Указ. соч. – С. 71.
 234 Там же. – С. 72.
 235 *Спегальский Ю. П.* Указ. соч. – С. 158.
 236 Там же. – С. 109.
 237 *Тиц А. А.* Указ. соч. – С. 98.

- 238 Там же. – С. 76.
- 239 Там же. – С. 77.
- 240 Там же. – С. 77.
- 241 Там же. – С. 77.
- 242 Своды на снях второго жилого этажа не имелись лишь во флигелях, возведенных в последние годы XVII – нач. XVIII вв. на псковских дворах «Подзноева», Ямского, Трубинского и некоторых других.
- 243 Подобное отклонение от обычной прямоугольной формы каменных зданий, повторяющее особенности планировки земельного участка, было нередким явлением в древнепсковском зодчестве. (Дом Печенко и др.).
- 244 «Потребность в особой столовой палате, - отмечал автор, - была связана с пережитками общинного быта, с необходимостью приглашать на пиршества большое количество родственников и домочадцев. Пирьи являлись одной из немногих форм общественной жизни древнерусского человека», и далее приводит свидетельство Г. К. Котошихина – «а в которые дни бывают праздники господские, или иные нарочитые, и имянинные, и родильные и крестильные дни: и в те дни друг с другом пиршествуют почаству». (Тиц А. А. Указ. соч. – С. 78).
- 245 Тиц А. А. Указ. соч. – С. 78, 97.
- 246 Даль В. И. – С. 479.
- 247 Даль В. И. – С. 480.
- 248 Тиц А. А. Указ. соч. – С. 78.
- 249 Там же. – С. 78.
- 250 Там же. – С. 79.
- 251 Ближайший аналог такому решению, - построенный в 1690-е гг. дом П. Бахорева (Дебарани), где сени и палата с окнами, выходящими на улицу, перекрыты сводами, а комната с более тонкими стенами, примыкавшая к сеням со стороны двора – плоским деревянным потолком. (См.: *Спегальский Ю. П.* Указ. соч. – С. 106-107).
- 252 *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – Книга первая: Государев двор или дворец. – М., 1990. – С. 247.
- 253 *Забелин И. Е.* Указ. соч. – С. 187.
- 254 Тиц А. А. Указ. соч. – С. 80.
- 255 *Уваров А., граф.* Указ. соч. – С. 31.
- 256 Даль В. И. Указ. соч. – Т. 3. – С. 355.
- 247 «Наличие в доме мужской и женской половины... не вызывает разногласий у исследователей». (Тиц А. А. Указ. соч. – С. 355).
- 258 *Уваров А., граф.* Указ. соч. – С. 32.
- 259 *Забелин И. Е.* Указ. соч. – С. 76, 77.
- 260 Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 4. – М., 1977. – С. 88.
- 261 *Забелин И. Е.* Указ. соч. – С. 76.
- 262 «... древние наши хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем житье или ярус – горницы, повалуши, светлицы; сверху – чердаки, терема, вышки». (*Забелин И. Е.* Указ. соч. – С. 78).
- 263 Полное собрание Русских летописей. – Т. V. – СПб., 1848. – С. 301.
- 264 В некоторых каменных домах XVII в., где жилье размещалось на третьем деревянном или каменном этаже (палаты Меншиковых) или пристраивалось к трехчастному зданию сбоку (первый дом Русиновых), а также в домах с более развитой планировочной структурой, - против столовой палаты, через сени, могли находиться помещения иного рода, назначение которых всякий раз следует рассматривать отдельно.
- 265 Горница передняя. «Дано Павлу Денисову Поворничину три алтына две денги, переключывал на воеводичком дворе в передней горнице печь» (1678 г.). (Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 4. – М., 1977. – С. 88).
- 266 «Перед отъездом (из Пскова в 1664 г.) я прощался от имени посла с воеводой (кн. Ф. Г. Ромодановским) и пожаловался ему заодно, что у нас мало подвод и лошадей. Он бесцеремонно лежал в постели, или по их обычаю на лавке, его подташнивало, он очень гневался, что его раньше не предупредили, так как мог с трудом говорить. Его жена сидела в углу комнаты, полной сундуков, она пряталась среди них». (*Кирпичников А. Н.* Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. – С.-Петербург: АО «Славия», 1995. – С. 30).

- 267 Забелин И. Е. Указ. соч. – С. 302.
- 268 «Кровать большая ореховая, цена 20 руб. Завеса к ней сделана стамедная – 12 руб.». (Псковские губернские ведомости. – 1873 г. - № 25).
- 269 Там же. – С. 310.
- 270 Псковские губернские ведомости. – 1873. - № 25.
- 271 Спегальский Ю. П. Указ. соч. – С. 39.
- 272 См. Забелин И. Е. Указ. соч. – С. 78.
- 273 «Особая дорога, иногда мощеная пролегалa от главных ворот к главному входу. Добрый хозяин, говорит Домострой, должен содержать эту дорогу постоянно в чистоте и наказывать слугам счищать с нее грязь в дождливое время и сугробы зимою». (Уваров А., граф. Материалы к археологическому словарю // Древности. Труды МАО. – Т. 2. – Вып. 2. – М., 1869. – С. 26).
- 274 Забелин И. Е. Указ. соч. – С. 77.
- 275 На склоне лет М. В. Сарпунов и вовсе остался один. С 1710 г. он проживал в своем просторном дворе имея возле себя лишь работницу-чухонку.
- 276 До него о деревянных этажах над палатами XVII в. рассуждали: М. В. Красовский в курсе русской архитектуры, посвященном «Каменному гражданскому зодчеству» (Рукопись в фондах Института теории и строительной техники Академии строительства и архитектуры СССР); Д. П. Сухов, сделавший проект восстановления московских палат В. В. Голицина с деревянными хоромами наверху (см.: Тиц А. А. Русское каменное зодчество XVII в. – М., 1966. – С. 70) и другие историки русской архитектуры.
- 277 Рукопись в архиве Б. А. Постникова.
- 278 «...Все постройки (в Пскове – Б. П.) ... покрыты тесом, не исключая даже домов самых богатых людей и дворян». [Самуил Кихель. 1586 г. Извлечения Ф. Аделунга на немецком языке. Пер. А. С. Клеванова // Чтения ИОИДР. – Кн. 2. М., 1863. – С. 236].
- 279 ПСЗРИ. – Т. II. – СПб., 1830. – С. 949-950.
- 280 Кихель Самуил. 1586 г. Извлечения Ф. Аделунга на немецком языке. / Пер. А. С. Клеванова // Чтения ИОИДР. – Кн. 2. М., 1863. – С. 236.
- 281 Источники конца XVII в. нередко уточняют: «покрыть тесом же по полатошному с полицами» (Забелин И. Е. Записки строительного дела. Домашний быт Русских царей в XVI-XVII веках. – М., 1898. – Ч. 1. - С. 603).
- 282 Приказная палата и стрелецкие караульни в Пскове. Здесь полицы нередко называют «обламами» (РГАДА. Ф. 137. № 33. Л. 3-11).
- 283 Тиц А. А. Указ. соч. – С. 189.
- 284 Забелин И. Е. Указ. соч. – С. 605, 602.
- 285 Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986. – С. 517.
- 286 Сб. МАМЮ. – Т. 6. – М., 1914. – С. 81-82.
- 287 Времена царствования первых Романовых стали для Пскова эпохой процветания и благополучия. Они совпали с наиболее спокойным и продолжительным строительным периодом, хронологические рамки которого ограничены двумя грандиозными пожарами 1609 и 1682 гг. За все эти годы лишь два локальных пожара 1662 и 1678 гг. потревожили горожан, но они охватили лишь торговые ряды. Жилые дома основной массы псковичей при этом не пострадали.
- 288 В связи с этим, весьма сомнительными представляются реконструкции Ю. П. Спегальского, в которых надстроенные над палатами деревянные хоромы покрыты черепицей. Находки большого ее количества возле этих зданий свидетельствуют скорее о том, что в ее бытность над ними не существовало деревянных этажей.
- 289 РГАДА. Ф. 125. Д. 10. Л. 2.
- 290 По другим публикациям Югерт Тейфель или Георг Тейфель.
- 291 Всеобщая история архитектуры. – Т. 7. – М., 1969. – С. 488-489.
- 292 Эти крыши, разработанные французским архитектором Франсуа Мансаром (1598-1666) были особенно популярны в Европе в кон. XVII – нач. XVIII вв.
- 293 Среди первых мастеров зачинателей черепичного дела в Пскове, предположительно семейство казенных каменщиков Муравлешкиных – Иван Авакумов (~ 1630-1710) и трое его сыновей: Михаил, Петр и Ефрем Ивановы. [Псковский посад в XVI-XVIII веках. Анимографический свод. Архив Б. А. Постникова].
- 294 Забелин И. Е. Указ. соч. – С. 606.
- 295 РГАДА. Ф. 141. Д. 17. Л. 179.
- 296 Два отдельных входа на жилой этаж потребовались при разделе дома между сыновьями А. Ф. Яхонтова. Левая половина, как мы помним, была отдана Дмитрию Алексеевичу (затем его сыну Александру Дмитриевичу), а правая – Петру Алексеевичу Яхонтову.
- 297 Двух отдельных входов на второй этаж и спуска в подвал («вылаза») между ними.

**Рис. 14. Дом Предводителя дворянства до пожара 2009 г.
Юго-западный угол.**

**Рис. 15. Палаты на Романовой горе.
План первого этажа по обмеру Ю. П. Спегальского.**

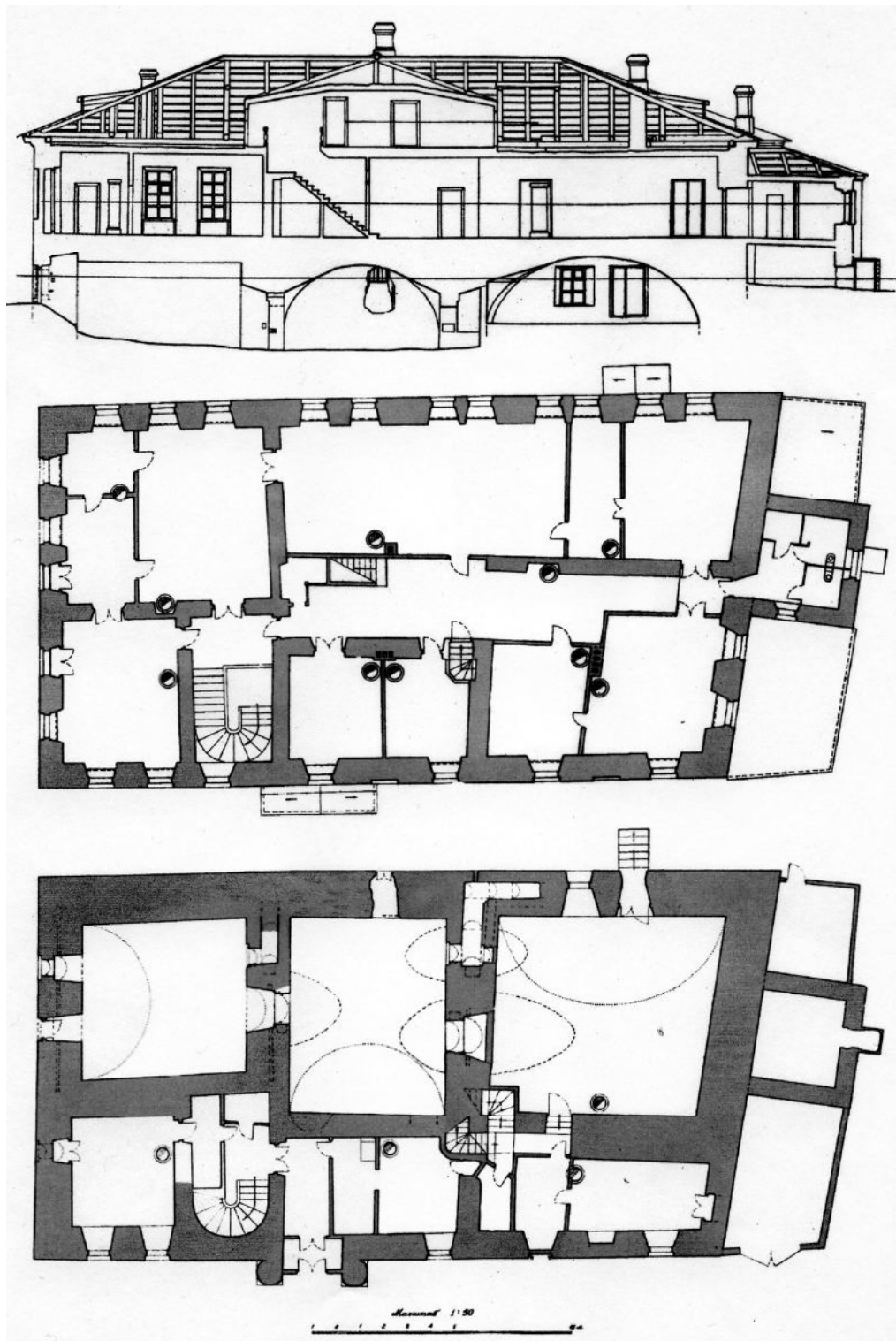

Рис. 16. Дом Предводителя дворянства. Разрез, планы этажей.
С обмеров В. Никитина и Н. Петровой 1979 г.

Рис. 17. Южная стена подсенья.
Слева заложенный оконный проем, справа заложенный дверной проем.

Рис. 18. Восточная стена подсенья.
Слева вход во внутристенную лестницу, справа вход в восточный подклет.

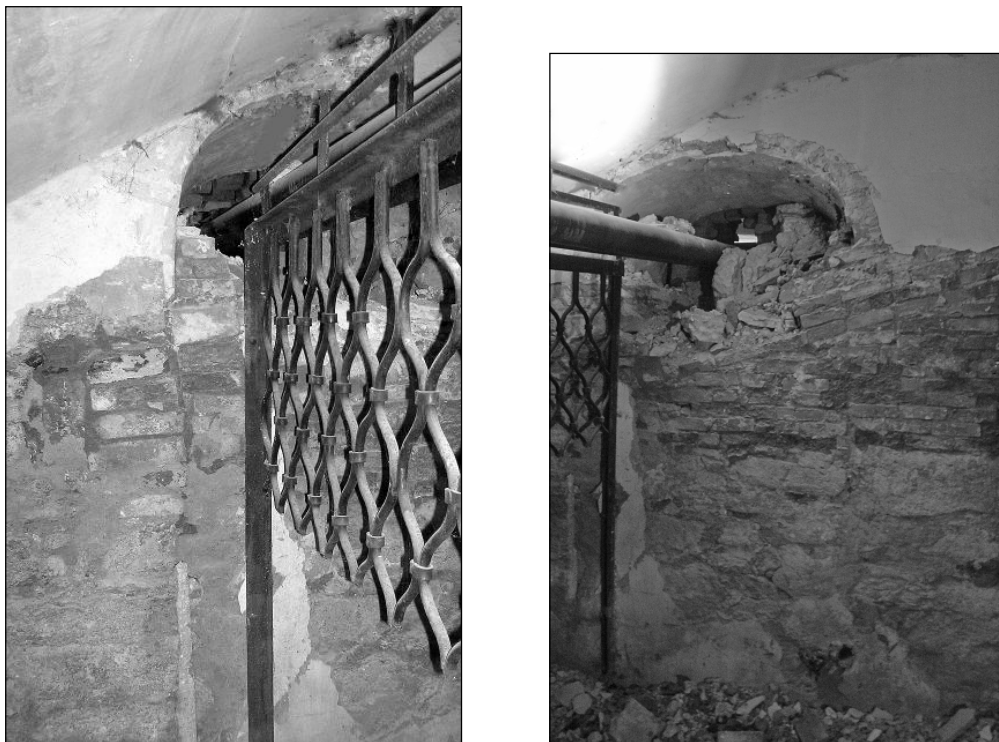
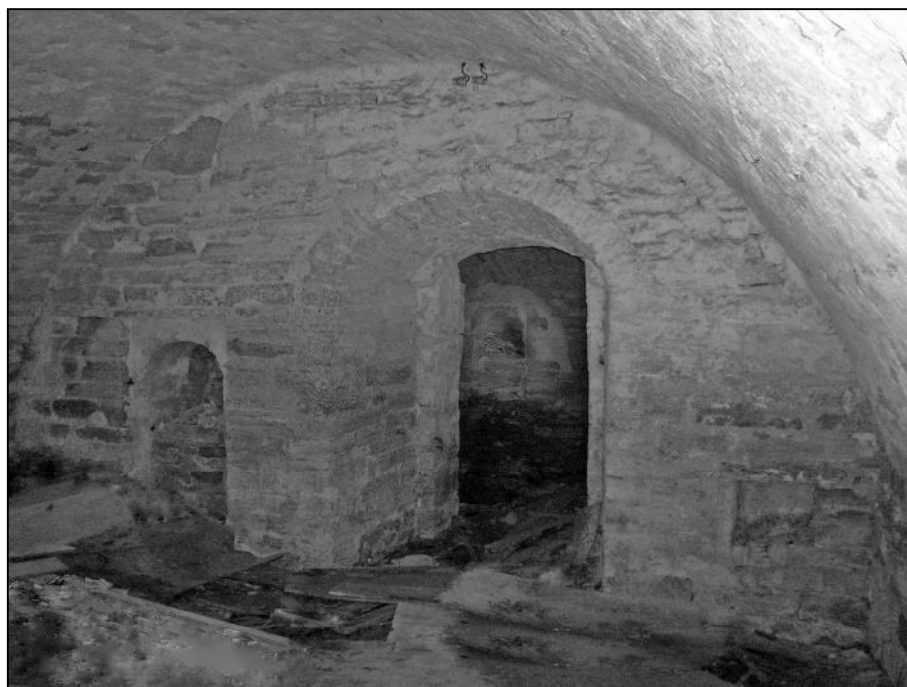

Рис. 19. Фрагменты окна в южной стене восточного подклета.

Рис. 20. Фрагменты внутрстенных лестниц.

**Рис. 21. Восточная стена западного подклета.
Слева вход во внутрстенную лестницу. Справа выход в подсенье.**

Рис. 22. Западная стена западного подклета. Оконные проемы.

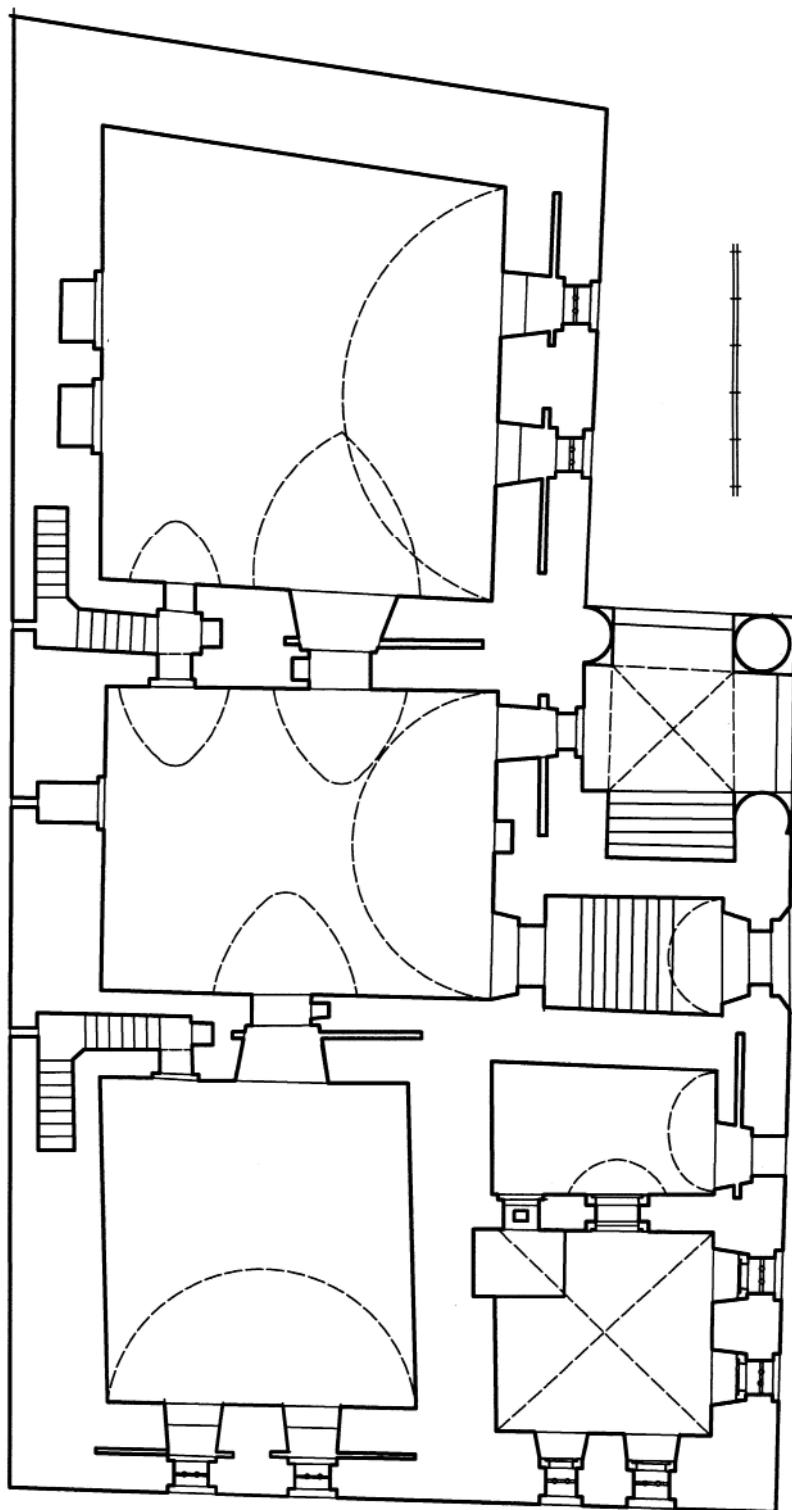

Рис. 23. Палаты М. В. Сарцунова. Первый этаж. Реконструкция.

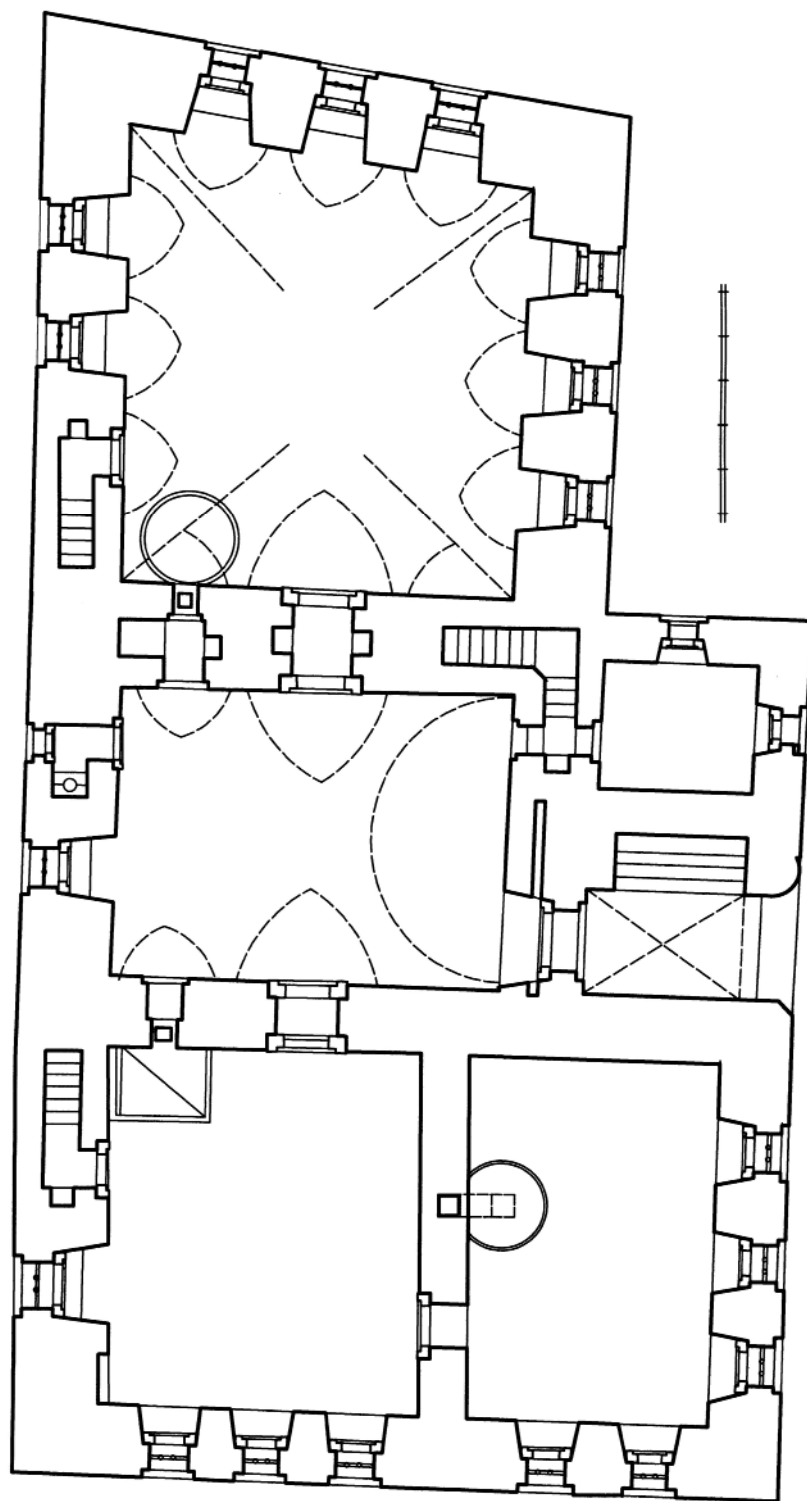

Рис. 24. Палаты М. В. Сарпанова. Второй этаж. Реконструкция.

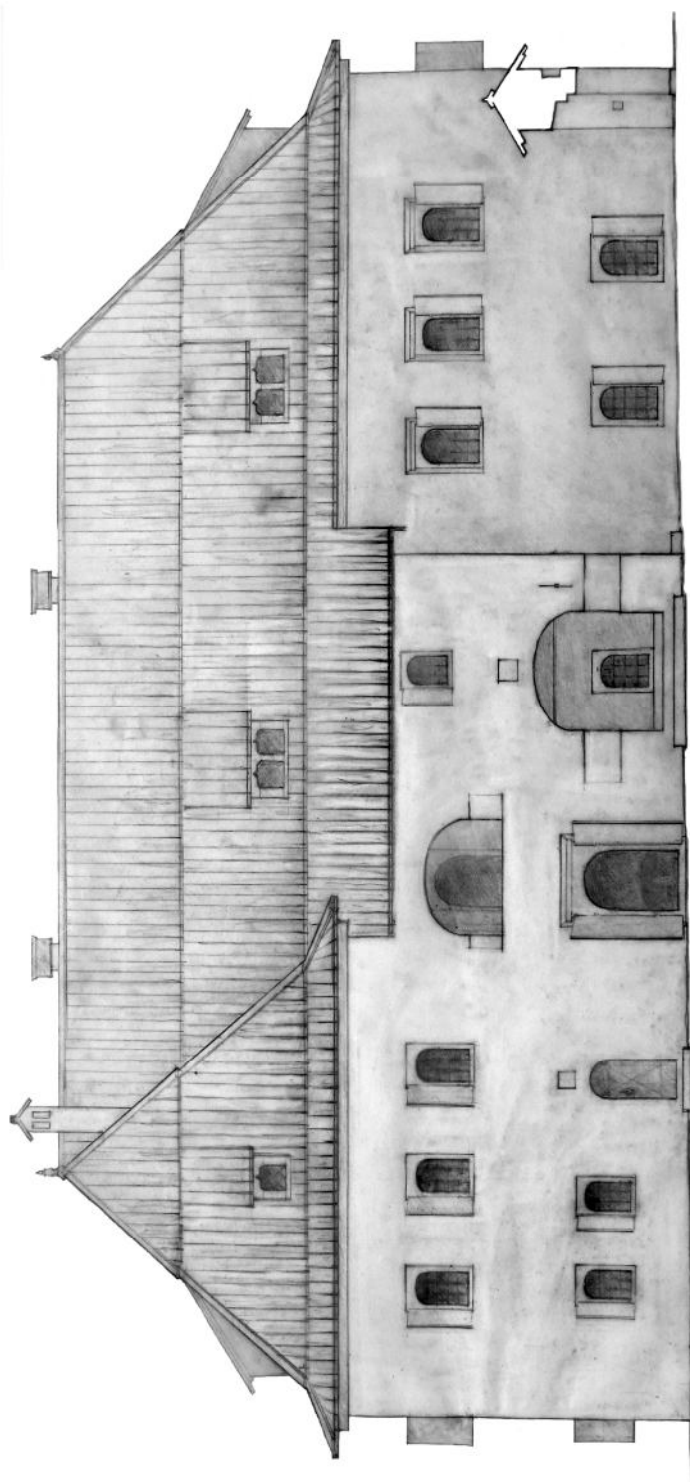
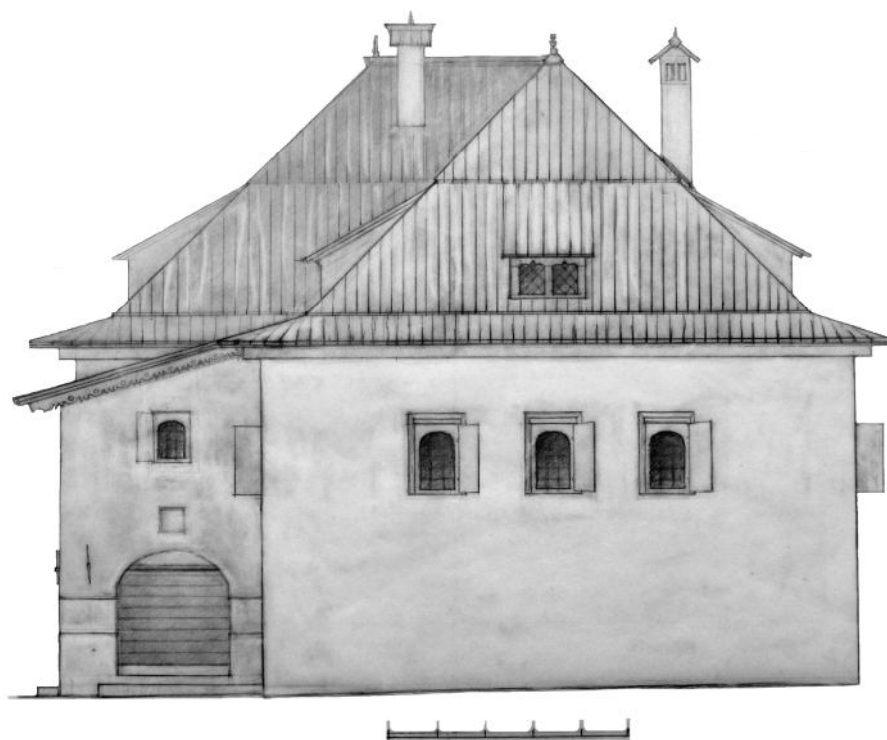

Рис. 25. Палаты М. В. Сарунова. Южный дворовый фасад.
Эскиз первоначального вида.

**Рис. 26. Палаты М. В. Сарпунова. Восточный фасад со стороны ул. Романихи.
Эскиз первоначального вида.**